

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЯЗЫКИ МИРА

*Реликтоевые
индоевропейские языки
Передней и Центральной Азии*

Москва
Academia
2013

УДК 811.1(29)

ББК 81.2

Я41

Издание осуществлено при финансовой поддержке

Российского гуманитарного научного фонда

(проекты №№ 03-04-00247а, 13-04-16029д),

программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям»

и Минобрнауки РФ (государственный контракт № 02.740.11.0595)

Издание «Языки мира» основано В.Н. Ярцевой

Главный редактор издания «Языки мира» — *А.А. Кибрик*

Редакционная коллегия тома:

Ю.Б. Коряков, А.А. Кибрик

Группа «Языки мира»:

*О.И. Беляев, В.Ю. Гусев, А.А. Кибрик, Е.М. Князева, Ю.Б. Коряков,
Ю.В. Мазурова, Е.Б. Маркус, Н.В. Рогова, О.И. Романова*

Я41

Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии / РАН. Институт языкоznания. Ред. колл.: Ю.Б. Коряков, А.А. Кибрик. — М.: Academia, 2013. — 512 с.
ISBN 978-5-87444-370-2

Книга является очередным томом энциклопедического издания «Языки мира», которое создается в Институте языкоznания РАН. Данный том посвящен ряду ветвей индоевропейской языковой семьи, распространенных в Передней и Центральной Азии, включая анатолийские языки, фригийский и галатский языки, реликтовые арийские, армянский и тохарские языки. Большинство статей тома (помимо статей о современных формах армянского языка) посвящены древним языкам. Статьи написаны в соответствии с единой типологически ориентированной схемой, которая применяется во всех томах издания «Языки мира». Эта схема включает социолингвистическую, диахроническую и синхронную структурную характеристику описываемого языка и обеспечивает сопоставимость описаний различных языков. В книге содержатся языковые карты, которые отражают распространение описываемых языков. Книга представляет собой одновременно и фундаментальный труд, содержащий научное описание языков и предназначенный для лингвистов различной специализации, и справочное издание с широким кругом адресатов, включающим историков, этнографов, преподавателей, студентов и аспирантов, а также всех интересующихся древними и индоевропейскими языками.

Languages of the World: Relict Indo-European languages of Western and Central Asia. Yuri B. Koryakov and Andrej A. Kibrik (eds.). — Moscow: Academia, 2013. — 512 pp.

ISBN 978-5-87444-370-2

This book continues the encyclopedic multi-volume series “Languages of the World”, which is being prepared at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. This volume addresses the Indo-European languages of Western and Central Asia, including Anatolian, Phrygian, Galatian, Relict Aryan, Armenian with its varieties and Tocharian. Almost all languages considered are ancient with the exception of Modern Armenian. Each essay follows the typologically oriented template implemented throughout the Languages of the World series. This template imposes sociolinguistic, diachronic and structural characterization upon individual languages and ensures the commensurability of the descriptions of different languages. A set of maps illustrating the spread of the languages is appended. The volume is intended as a fundamental study addressed to the linguists of various specializations, but also as a reference source addressed to a wide audience of historians, cultural anthropologists, teachers as well as students, and everyone interested in ancient and Indo-European languages.

© Институт языкоznания РАН, 2013 г.

© Издательство Academia, оформление, 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Об издании «Языки мира»	10
Предисловие	12

Анатолийские языки

<i>А.С. Касьян, И.С. Якубович.</i> Анатолийские языки	15
<i>А.С. Касьян, А.В. Сидельцев.</i> Хеттский язык	26
<i>А. Рицца.</i> Лидийский язык	75
<i>А.С. Касьян, А.В. Шацков.</i> Палайский язык	97
<i>И.С. Якубович.</i> Лувийский язык	106
<i>А. Клухорст.</i> Ликийский язык	131
<i>В.В. Шеворошкин.</i> Милийский язык	154
<i>И.-Х. Адьего.</i> Карикийский язык	166
<i>А.С. Касьян.</i> Сидетский язык	175
<i>А.С. Касьян.</i> Писидийский язык	177
<i>О. Лигорио, А. Лубоцкий.</i> Фригийский язык	180
<i>Т.А. Михайлова.</i> Галатский язык	196

Арийские языки

<i>Б.Л. Огабенин.</i> Митаннийский индоарийский язык	198
<i>М.А. Живлов.</i> Андроновский арийский язык	217

Армянский язык

<i>Н.А. Дилбарян.</i> Древнеармянский язык	221
<i>Л.С. Овсепян.</i> Восточноармянский литературный язык	242
<i>А. Донабедян, Л.С. Овсепян, Р.К. Сакатетоян.</i> Западноармянский литературный язык	291
<i>Л.С. Овсепян, Г.Г. Геворкян.</i> Армянские диалекты (общий обзор)	320
<i>Г. Мартиросян.</i> Армянские диалекты (характеристика отдельных диалектов)	334

Тохарские языки

<i>С.А. Бурлак, И.Б. Иткин.</i> Тохарские языки	386
<i>С.А. Бурлак, И.Б. Иткин.</i> Тохарский А язык	398
<i>С.А. Бурлак, И.Б. Иткин.</i> Тохарский В язык	444

Авторы и редакторы книги	486
Принятая нотация и сокращения.....	488
Указатель названий реликтовых индоевропейских языков Передней и Центральной Азии	493
<i>Приложение: Типовые схемы статей.....</i>	505
<i>Ю.Б. Коряков. Карты реликтовых индоевропейских языков и диалектов Передней и Центральной Азии</i>	507

CONTENTS

About the publication “Languages of the World”	10
Preface	12

Anatolian languages

<i>A.S. Kassian, I.S. Yakubovich.</i> Anatolian languages.....	15
<i>A.S. Kassian, A.V. Sideltsev.</i> Hittite.....	26
<i>A. Rizza.</i> Lydian.....	75
<i>A.S. Kassian, A.V. Shatskov.</i> Palaic	97
<i>I.S. Yakubovich.</i> Luwian	106
<i>A. Kloekhorst.</i> Lycian	131
<i>V.V. Shevoroshkin.</i> Milyan	154
<i>I.-X. Adiego.</i> Carian	166
<i>A.S. Kassian.</i> Sidetic	175
<i>A.S. Kassian.</i> Pisidian	177
<i>O. Ligorio, A. Lubotsky.</i> Phrygian	180
<i>T.A. Mikhailova.</i> Galatian	196

Aryan languages

<i>B.L. Oguibenine.</i> Mitanni Indo-Aryan.....	198
<i>M.A. Zhivlov.</i> Andronovo Aryan	217

Armenian language

<i>N.A. Dilbaryan.</i> Classical Armenian.....	221
<i>L.S. Ovsepyan.</i> Standard Eastern Armenian	242
<i>A. Donabédian, L.S. Ovsepyan, R.K. Sakapetyan.</i> Standard Western Armenian.....	291
<i>L.S. Ovsepyan, G.G. Gevorkyan.</i> Armenian dialects (general overview)	320
<i>H. Martirosyan.</i> Armenian dialects (description of individual dialects).....	334

Tocharian languages

<i>S.A. Burlak, I.B. Itkin.</i> Tocharian languages	386
<i>S.A. Burlak, I.B. Itkin.</i> Tocharian A	398
<i>S.A. Burlak, I.B. Itkin.</i> Tocharian B	444
Contributors	486
Notation and abbreviations	488

Index of the relict Indo-European languages and dialects of Western and Central Asia.....	493
<i>Appendix: Templates</i>	505
<i>Yu.B. Koryakov. Maps of the relict Indo-European languages of Western and Central Asia</i>	507

- Lehrman A.* Indo-Hittite revisited // *Indogermanische Forschungen*, 1996, H. 101.
- Lehrman A.* Indo-Hittite Redux: Studies in Anatolian and Indo-European Verb Morphology. Moscow, 1998.
- Luraghi S.* The Anatolian languages // *The Indo-European Languages* / A.G. Ramat, P. Ramat (eds.). London; New York, 1998.
- Melchert H.C.* Anatolian Historical Phonology. Amsterdam, 1994.
- Melchert H.C.* Indo-European languages of Anatolia // *Civilizations of the Ancient Near East* / J.M. Sasson et al. (eds.). New York, 1995, vol. 4.
- Melchert H.C.* The Position of Anatolian // *Handbook of Indo-European Studies* / A. Garrett, M. Weiss (eds.). Oxford [в печати].
- Morpurgo-Davies A.* Dentals, rhotacism and verbal endings in the Luvian languages // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 1982 (1983), Bd. 96.
- Neumann G.* Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit. Wiesbaden, 1961.
- Oettinger N.* Die Gliederung des anatolischen Sprachgebietes // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 1978 (1979), Bd. 92.
- Popko M.* Völker und Sprachen Altanatoliens. Wiesbaden, 2008.
- Rosenkranz B.* Vergleichende Untersuchungen der altanatolischen Sprachen. The Hague; Paris; New York, 1978.
- Steadman Sh.R., McMahon G.* (eds.). *The Oxford Handbook of Ancient Anatolia*. Oxford, 2011.
- Woodard R.D.* (ed.). *The Ancient Languages of Asia Minor*. Cambridge, 2008.
- Yakubovich I.* Sociolinguistics of the Luvian Language. Leiden, 2010.

A.C. Касьян, А.В. Сидельцев

ХЕТТСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Хеттский язык (Х.я.) — язык хеттов, народа, населявшего центральную область Анатолии (совр. Турция) во II тыс. до н. э.

1.1.1. *Хеттский*, устар. *неситский* или *несийский*; англ. *Hittite*, нем. *Hethitisch*, фр. *hittite*, итал. *ittito, eteo*. Самоназвание служило наречие *nešumnilı/kanišumnilı* ‘по-хеттски’, производное от названия раннего центра хеттской государственности — города Неса (он же Канес, совр. Кюльтепе в Турции). В аккадском языке использовался этноним (он же лингвоним?) *hattû*. Современный лингвоним Х.я. восходит к более позднему библейскому этнониму *хетты* (др.-евр. *hittî*, мн. ч. *hittîm*, др.-греч. *χετταῖοι*, лат. *hethaei*), который в свою очередь происходит от самоназвания хеттского государства — KUR^{URU}*Hatti* ‘страна города Хатти’ (причем исторически *hatti* здесь является самоназванием хаттов — автохтонного народа Центральной Анатолии, вытесненного или ассимилированного хеттами в начале письменной истории последних).

1.1.2. Х.я. — основной (т. е. наиболее полно документированный) представитель анатолийской (хетто-лувийской) группы индоевропейской семьи языков. Одновременно он представляет собой и наиболее древнюю фиксацию индоевропейского языка. Подробнее о генетической аффилиации Х.я. см. статью «Анатолийские языки» в наст. издании.

1.1.3. Основной ареал распространения засвидетельствованного Х.я. — Центральная Анатолия II тыс. до н. э. (территория современной Турции). В связи со статусом официального языка хеттского царства (а в XIV–XIII вв. до н. э. — империи)

мог, видимо, использоваться и на более широкой территории, включая Северную Сирию и Западную Анатолию.

О численности населения, для которого Х.я. являлся родным, сложно судить, так как финансовых и вообще хозяйственных документов хеттского царства в количестве, достаточном для социологического анализа, до нас не дошло. Возможно, в какие-то моменты во II тыс. до н. э. счет носителей Х.я. шел на десятки тысяч человек. Также для значительного числа подданных хеттских царей Х.я. являлся вторым языком после хаттского, хурритского или лувийского.

Основные известные на сегодняшний день места находок хеттских табличек:

— Богазкёй (хеттское название Хаттуса) — столица хеттского государства с наиболее богатыми архивами, насчитывающими десятки тысяч найденных фрагментов документов разнообразных жанров;

— Ортакёй (хеттское название Сабинува), более тысячи (иногда говорится о нескольких тысячах) фрагментов в основном, видимо, культового содержания (основная часть не опубликована);

— Машат-Хёюк (хеттское название Табикка?), более сотни документов, в основном, писем делового содержания;

— Кушаклы (хеттское название Сарисса), несколько десятков табличек культового содержания и несколько писем;

Отдельные таблички или предметы с клинописными надписями на Х.я. обнаружены и в других городах Древнего Ближнего Востока, например, известны хеттские таблички из архивов Алалаха (южная Турция), Угарита, Эмара (северная Сирия), Амарны (Египет) и т. п. Подробнее см. карты в наст. издании и интерактивные карты в он-лайн проекте Д. Фоссати.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Никаких очевидных лингвистических изоглосс, которые можно было бы сопоставить с географическими или социологическими данными, не обнаруживается. Связано это может быть с тем, что дошедшие до нас тексты отражают в первую очередь речь высших слоев общества (царская семья, жречество, чиновники), записанную специально обученными писцами.

Некоторые исследователи подозревают, что особенно в прямой речи ряда ритуалов можно выделить определенные черты, указывающие на диалектную принадлежность. Однако, поскольку не исключена и возможность иноязычного влияния на идиолект составителя текста (если, например, он был билингвом — носителем хурритского или лувийского языка), вопрос о диалектном членении остаётся открытым.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. Х.я. был языком племенного образования хеттов и приобрел статус государственного языка после обретения хеттами государственности в XVII в. до н. э. Однако во второй половине II тыс. Х.я. начал активно вытесняться лувийским языком в качестве средства повседневного общения. Видимо, перед падением хеттской империи (XIII в. до н. э.) Х.я. бытовал уже только как язык, используемый знатью в каких-либо торжественных случаях или для составления официальных и культовых документов. Хотя в силу общего характера текстов, записываемых на глине, жанровое и функциональное сужение сферы употребления Х.я. прослеживается плохо. Основным лингвистическим показателем здесь служит увеличение количества лувийских лексических и морфологических элементов в новохеттских текстах. Разу-

меется, вплоть до падения империи Х.я. входил в число обязательных предметов в писцовых школах.

Для всех периодов Х.я. предполагается наличие билингвов среди населения — носителей хеттского, а позднее лувийского или хурритского языка.

1.3.2. В древне- и среднехеттский периоды известный нам письменный Х.я. был близок или просто идентичен живой речи (возможно, за исключением несколько меньшей синтаксической свободы). В новохеттский период можно говорить о кодифицированном языке, преподаваемом в писцовых школах и, следовательно, употребляемом писцами дошедших до нас табличек (вероятно, следует считать, что все хеттские писцы получали централизованное образование в столице — Хаттусе). Для всех периодов можно говорить об определенной нормированности орфографии клинописного текста (нормы менялись с течением времени), в первую очередь это касается орфограмм: многие слова и формы устойчиво писались одним и тем же способом, несмотря на возможность передать это же звучание через другие сочетания знаков (в ряде случаев орфограммы менялись от периода к периоду, например, для древнейшей эпохи было характерно выписывание флексии императива через знак TU, а в новохеттских текстах преимущественно используется DU).

Х.я. засвидетельствован текстами, обнаруженными в архивах нескольких городищ в центральной Анатолии и датируемыми XVII–XIII вв. до н. э. Однако хеттские личные имена и отдельные заимствованные апеллятивы засвидетельствованы в табличках ассирийских купцов в Каппадокии начала II тыс. до н. э. В конце XIII в. до н. э. хеттские архивы прерываются, а сами города оказываются покинутыми или разоренными как следствие стремительной миграции так называемых «народов моря», а также иногда предполагаемого экономического кризиса. Более древних сведений о Х.я. и его носителях нет, равно как и более поздних (последнее закономерно, так как к концу своей письменной истории Х.я. уже не являлся полноценным живым языком, будучи вытесненным лувийским).

Х.я. известен фактически только в клинописной фиксации на табличках из глины. Также в качестве материала табличек использовался металл — для некоторых документов государственной важности (ср. бронзовую табличку с текстом договора), и дерево, видимо, покрытое воском — для хозяйственных документов (не сохранилось ни одной такой дощечки, но в текстах есть упоминания о них; впрочем, имеются определенные основания считать, что «писцы по дереву» писали не клинописью, а лувийской иероглификой и, возможно, не на хеттском, а на лувийском языке).

В результате продолжающихся раскопок хеттских городищ на свет появляются всё новые памятники хеттской письменности. Счет инвентарных номеров идет на десятки тысяч, однако реальное количество табличек в хеттских архивах было меньше: подавляющее большинство находок представляет собой только фрагменты табличек, разбитых при разрушении хеттских городов (в первую очередь столицы — Хаттусы) в момент падения хеттской империи. Находки цельных табличек единичны (это касается архивов Хаттусы; насколько отличается ситуация с архивами Ортакёя, не очень ясно из опубликованных отчетов), однако восстановление разрушенного текста путем соположения разрозненных фрагментов по принципу паззла (джойнирование) является в хеттологии достаточно рутинной операцией (ориентиром здесь служат сам текст, место находки, геометрические характеристики, тип глины, почерк писца).

На сегодняшний день основная масса хеттских табличек хранится в Турции (в музеях Анкары и Стамбула; в частности, по программе реституции туда были переданы собрания из немецких музеев). Это делает невозможным или серьезно затрудняет научную работу с оригиналами. К счастью, большая часть хеттских фрагментов, найденных в Богазкёе, уже опубликована в виде автографий (прорисовок). В последние годы интернет-ресурс «*Hethitologie Portal Mainz*», развивающий Академию наук и литературы в Майнце (комиссия по Древнему Востоку) и Университетом им. Юлия Максимилиана в Вюрцбурге (кафедра Древнего Востока) в сотрудничестве с другими европейскими научными институциями, проводит огромную работу по публикации многочисленных материалов по Х.я., в первую очередь, Конкорданца хеттских текстов, который включает прорисовки и автографии джойнированных текстов. Также на сайте (пока частично) представлены издания текстов и фотографии табличек.

Небольшое число хеттских слов (в основном антропонимы) зафиксировано в акадской, древнеегипетской и алфавитной угаритской передаче.

Жанры памятников Х.я. достаточно разнообразны, это свод законов, описания ритуалов и магических обрядов, гадания, религиозные гимны, молитвы, мифы, исторические анналы, письма, договоры, инструкции, лексические списки, административные и хозяйствственные документы.

1.3.3. Известно, что хеттская письменность преподавалась в особых писцовых школах (или же, видимо, следует говорить об одной писцовой школе в Хаттусе). Можно предполагать, что в конце хеттской истории в этих же школах преподавался и непосредственно Х.я., так как основная часть населения была уже лувоязычной.

Х.я. был открыт и дешифрован в результате археологических раскопок городища рядом с турецким селом Богазкёй в начале XX в. (можно считать, что изучение Х.я. началось раньше — в конце XIX в., когда в древнеегипетском архиве Амарны были обнаружены несколько писем на неизвестном тогда языке).

Основным грамматическим описанием Х.я. на сегодняшний день является сочинение Х. Хоффнера и К. Мелчерта (2008). Первый том издания представляет собой качественную и достаточно подробную дескриптивную грамматику Х.я., написанную двумя крупными американскими хеттологами. Во втором томе содержатся практические упражнения к университетскому курсу Х.я. С выходом этого двухтомника практически утратила актуальность грамматика И. Фридриха (1960), до того почти полвека служившая языковедам основным сводным описанием Х.я. Благодаря подробному рассмотрению материала сохраняет свою важность описание хеттской морфологии Х. Кронассера (1962–1966). Очень удачным пособием по изучению Х.я. является учебник Т. ван ден Хаута (2011), где разбираемые тексты даются не только в транслитерации (как во втором томе книги Х. Хоффнера и К. Мелчерта), но и в клинописной автографии. На русском языке имеется перевод 1-го издания грамматики И. Фридриха (1952; оригинал — 1940), а также монография Вяч. Вс. Иванова (1963; 2-е издание, дополненное послесловием, 2001).

Запутаннее обстоит дело с лексикографией Х.я. Наиболее авторитетным и подробным синхронным словарем является так называемый «Чикагский словарь» («*The Hittite dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*», общепринятое сокращение — CHD), начатый в 1989 г. Г. Гютербоком и Г. Хоффнером и продол-

жаемый сегодня коллективом авторов под руководством Т. ван ден Хаута. Это продолжающееся издание, охватившее пока слова на *l*-, *m*-, *n*-, *p/b*-, *š*-.

Схожим по организации и охвату материала является немецкий проект А. Камменхубер: «*Hethitisches Wörterbuch. Zweite, völlig neubearbeitete Auflage*» (общепринятое сокращение — *HW*₂), публикуемый под именами уже покойного на тот момент И. Фридриха и самой А. Камменхубер (в связи с кончиной Камменхубер в последних выпусках был добавлен третий титульный автор: И. Хоффманн; в действительности текущие выпуски словаря готовятся широким коллективом европейских хеттологов). Это продолжающееся издание началось по алфавиту с *a*- (1975) и к настоящему времени дошло до *h*-₂. Необходимо отметить, что к последним выпускам *HW*₂ качество лексикографического описания заметно выросло.

Номинально только этимологическим словарем, а по сути еще и полноценным подробным синхронным словарем Х.я. является проект Я. Пухвела «*Hittite Etymological Dictionary*» (общепринятое сокращение — *HED*), пока дошедший с *a*- (1984) до *p*- (2013). Каждый новый том содержит приложение с поправками и дополнениями к предыдущим томам.

Второй авторитетный этимологический словарь Х.я. — это близкий к завершению проект И. Тишлера «*Hethitisches Etymologisches Glossar*» (общепринятое сокращение — *HEG*), охвативший слова от *a*- (1983) до *u*- (2010). Таким образом, пока не опубликованы материалы на *w*- и *z*-₂. Начиная с выпуска *l*—*m* (1990) в работе принимали участие хеттологи Г. Нойманн и Э. Ной, а в словарных статьях появилась зона синхронного лексикографического описания, нередко предоставляющая информацию, отсутствующую в других словарях.

Однотомный этимологический словарь А. Клукхорста (2008) также содержит синхронные лексикографические описания, но в это издание включены только те хеттские слова, которые, по мнению автора, имеют индоевропейские этиконы за пределами анатолийской языковой группы, т. е. восходят к индо-хеттскому уровню.

Также современное состояние хеттологии отражают однотомные глоссарии И. Тишлера (2008) и А. Юнала (2007). До известной степени сохраняет свою значимость и старый однотомный словарь И. Фридриха «*Hethitisches Wörterbuch*» (общепринятое сокращение — *HW*; 1952–1954), особенно в части шумерограмм и аккадограмм. Актуальный каталог идеограмм с современными переводами содержится в справочниках Х. Рюстер и Э. Ноя (1989; 1991).

1.4.0. Для фиксации Х.я. использовалась слоговая клинопись, близкая к северосирийскому курсиву, представлявшему собой смешение староассирийского и старовавилонского типов. Точный источник (ассиро-вавилонская писцовая школа), откуда хетты заимствовали свою клинопись, до сих пор не ясен (это связано с недостаточной археологической изученностью региона), довольно близка к древнехеттской письменности клинопись из архивов Алалаха VII. В новохеттский период (XIV–XIII вв. до н. э.) хеттская писцовая традиция подвергается очевидному влиянию извне — видимо, со стороны митанийской (хурритской) клинописи.

Суммарный клинописный силлабарий засвидетельствованного хеттского корпуса насчитывает более 375 знаков. Наиболее частотны слоговые знаки вида CV и VC, знаки CVC использовались реже, также употреблялись идеограммы — шумерограммы и аккадограммы (особенно шумерограммы часто дополнялись хеттскими фонетическими комплементами для прояснения грамматической характеристики формы).

К инновациям хеттской писцовой школы следует отнести введение лигатур из знака WA и небольших подписьных знаков огласовки (WA_A, WA_E и т. д.; эти лигатуры употреблялись первоначально в хаттских и палайских, а позднее в хурритских текстах, передавая особую консонантную фонему этих языков — предположительно /f/), использование шумерограммы GEŠTIN 'вино' (= хетт. *wiyana-*) в фонетическом значении WI₅ (со среднехеттского периода), постепенное введение в обиход некоторых идеограмм-лигатур (например, EZEN^XŠE 'праздник' [транслитерируется как EZEN₄] вместо обычного знака EZEN), использование некоторых знаков CVC с новой огласовкой (например, PĀT в фонетическом значении RÍT), редкое употребление знаков CVC в фонетическом значении CV (например, LIŠ как LI₁₂) и некоторые другие частности. Сюда же следует включить обозначение двух серий согласных посредством удвоенного/неудвоенного написания в интервокальной позиции, о чем см. 2.1.1.

Палеографически различают три основных периода: древнехеттский, эволюционировавший в среднехеттский, а также новохеттский, представляющий собой результат иностранного влияния. Кроме менявшейся формы знаков, в понятие палеографических критериев входит различное употребление идеограмм и некоторых фонетических знаков (особенно знаков структуры CVC). Шумерограммы и аккадограммы относительно малочисленны в древне- и среднехеттских текстах (и употребительны чаще для существительных), однако их частотность резко возрастет в новохеттский период для всех частей речи. Также и знаки структуры CVC в новохеттский период употребляются чаще, чем ранее.

Обозначенные выше традиционные периодизация и датировки в последнее время подвергаются серьезной ревизии, окончательные выводы которой пока не ясны (см. работы Т. ван ден Хаута).

Для письма использовались глиняные таблички (в подавляющем большинстве дошедших до нас памятников), на которых стилусом, пока глина не застыла, прочерчивались знаки, а после завершения текста табличку подвергали термической обработке. Направление письма слева направо, порядок строк — сверху вниз. Фонетические слова разделялись пробелами. Использовались горизонтальные линии, отделявшие отрезки текста, семантически сопоставимые с современными параграфами.

К особенностям хеттской клинописи относится то, что знаки для звонких и глухих шумных согласных сами по себе не противопоставлялись и находились либо в лексическом/морфологическом распределении (основанном на писцовой традиции), либо свободно варьировались. Неразличение серий согласных вообще характерно для ранних этапов развития клинописи. Знаки графической серии Е немногочисленны по сравнению со знаками серии I — если для первой употребляются только знаки E, TE, ŠE, ME, NE и реже HÉ, ZÉ, BE(?), то для второй используется весь возможный набор: I, TI, ŠI, SI, MI, NI, ZI, HÍ, DI, PÍ, WI₅, KI, GI, RI, LI. По мнению большинства ученых, при наличии пары знаков типа TE ~ TI, наблюдается (в разные периоды с разной степенью последовательности) передача слогов типа [te] при помощи знаков типа TE, а слогов типа [ti] при помощи знаков типа TI. Слоги же типа [re], и [ri] графически передавались одинаково — PÍ.

В настоящем очерке познаковая транслитерация форм дается прямым шрифтом с использованием дефиса для разделения на знаки, например, ra-a-i-ta-aš. Стянутая (интерпретационная) запись, приближенная к предполагаемой транскрипции, дается курсивом, а дефис используется для морфемного членения (в этой же записи знак = отделяет энклитики в сложном фонетическом слове): *ra-i-d=aš*. В соответствии с об-

щепринятой практикой идеограммы записываются прописными (капитальными) буквами: шумерограммы — ПРЯМЫМИ, аккадограммы — КУРСИВНЫМИ.

1.5.0. Традиционно (т. е. с 1970-х гг.) в истории Х.я. различают следующие периоды (даты даются по так называемой «средней» хронологии): древнехеттский (засвидетельствован в текстах середины XVII — конца XVI вв. до н. э. до конца правления царя Телибину), среднехеттский (начало XV — середина XIV вв. до н. э.) и новохеттский (середина XIV — конец XIII вв. до н. э., т. е. начиная с правления Суппилулиумы I до последнего хеттского царя — Суппилулиумы II). Данным периодам соответствуют три основные типа дуктуса (пóшиба) — древнехеттский, среднехеттский и новохеттский. В последнее время предпринимаются попытки «омолодить» Х.я., а именно сдвинуть начало хеттской письменной традиции в XV в. до н. э., «сжав» описанную выше классификацию или вообще отказавшись от такого тройного разделения на периоды, см. в связи с этим серию недавних статей Т. ван ден Хаута (соображения последнего представляются во многом резонными, однако о «революции» в хеттской периодизации говорить пока рано).

Тенденция к архаизации языка отмечается лишь в конце новохеттского периода, однако она никогда не проводилась достаточно последовательно, поэтому не вносит затруднений в датировку текстов.

1.6.0. С высокой вероятностью к контактно обусловленным явлениям Х.я. относится фонетико-фонологическая система шумных согласных с противопоставлением слабой и сильной серий (*t* — *t̪*), обладающих контекстными ограничениями (хотя часть контекстных ограничений, например, на анлаутную позицию, унаследована, вероятно, из прaanатолийского языка). Схожая система предполагается для хуррито-урартского, но в принципе подобные системы можно подозревать и для других языков региона III—II тыс. до н. э., например, для северокавказских.

Запрет на анлаутное *r*- (ареальная изоглосса) может восходить к прaanатолийскому состоянию.

В рамках популярной сейчас концепции «панлувизма» некоторые ученые предполагают довольно сильно лувийское влияние на грамматическую систему Х.я. в доисторическую эпоху, что, однако, представляется пока недостаточно обоснованным.

Для исторического периода развития Х.я. выделяют некоторые грамматические черты, приобретенные под усиливающимся влиянием лувийского языка. Конечно, в основном речь идет о новохеттском времени: смешение *a*- и *i*-склонений («*i*-мутация»), совпадение флексий номинатива и аккузатива множественного числа, перестройка в системе энклитических местоимений, партитивная аппозиция. Наиболее вероятно, что некоторые случаи употребления инвертированного порядка слов, в первую очередь, первая позиция глагола в клаузах из трех составляющих, выносы вправо и некоторые типы относительных придаточных, возникли в результате ассимиляции хаттского, хурритского и лувийского влияния.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Фонемный состав.

Г л а с н ы е

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
Верхний	i ī		u ū
Средний	e ē		
Нижний		a ā	

Как видно из таблицы, гласные фонемы Х.я. последовательно противопоставляются по долготе. Статус фонемы *e* (и, соответственно, *ē*) несколько сомнителен ввиду слишком непоследовательного употребления знаков серий I и E в текстах (наблюдающегося во все исторические периоды Х.я.). Тем не менее, общепринятой точкой зрения является наличие оппозиции *i* — *e* в Х.я. Окончательную ясность в этом вопросе дал бы анализ употребления знаков серий I и E в аккадских текстах той писцовой школы, из которой хетты заимствовали клинопись.

Длительную историю имеет идея о наличии дополнительной фонемы /o/, противопоставленной /u/, по аналогии с предполагаемой оппозицией /u/ — /o/ в хурритском и ниппурском старовавилонском. Пропоненты этой гипотезы для хеттского клинописного знака **Ú** принимают значение /u/, а для знака **U** — /o/. На сегодняшний день аргументация защитников такой точки зрения представляется достаточно однобокой, а постулируемая система сталкивается с серьезными типологическими трудностями.

Долгота гласных иконически выражалась написанием дополнительного гласного при знаке CV или VC (так называемые написания *plene*): *ki-iš-ša-ri-i* = *kiššarī* 'в руке' vs. *ki-i-ša-ri* = *kīšari* 'становится, оказывается', *te-e-kán* = *tēgan* 'земля' vs. *ta-ga-a-an* = *tagān* 'на земле'. Нередко предполагается, что написания *plene* отражают синхронное ударение, что явно неудачно, так как система письма, где бы удвоением гласного отмечался ударный слог, представляется очень странной с типологической точки зрения. Кроме словесной просодии, прием *plene* мог передавать и фразовое удлинение гласных, например, при эмфатическом вопросе или в восклицании. Использование *plene* не являлось регулярным и зависело, видимо, от личных предпочтений писца (на факультативный характер *plene* в хеттской писцовой традиции недвусмысленно указывают многочисленные случаи отсутствия *plene*, когда слово попадает в конец длинной строки, плохо умещающейся в колонку, тогда как та же форма *plene* выписывается в соседних более свободных строках). Словоформа обычно имеет *plene* не более чем на одном слоге (хотя встречаются и варианты словоформ с двумя и в исключительных случаях более написаниями *plene*: *i-da-a-la-a-u-i* = *idālāwi* 'злой', дат.-лок. ед. ч.).

С исторической точки зрения неконтракционное *plene* представляет собой рефлекс праиндоевропейского ударения. В рамках такой концепции один из авторов очерка полагает, что праиндоевропейское противопоставление по долготе было утрачено в прахеттском, после чего ударные гласные удлинились, а ударение дефонологизировалось (стало автоматическим, падающим, скажем, на первый слог, или вообще утратилось), таким образом, возникла новая фонологическая долгота. Эта историческая интерпретация позволяет объяснить и тот факт, что *plene* частотно в слогах, принадлежащих основе, но крайне нехарактерно для флексий: после воз-

никновения новой фонологической долготы прахеттский получил по два набора окончаний во многих словоизменительных типах — один с краткими гласными (лексемы со старым колонным ударением на основе), другой с краткими и долгими (лексемы старой подвижной акцентной парадигмы). В результате морфологической унификации первый набор окончаний почти полностью вытеснил второй (хотя рефлексы долгих флексий, т. е. флексионное *plene*, спорадически встречаются, особенно в древних текстах). Например, др.-хет. ном.-акк. *nēbiš* 'небо', ген. *nēbiš-aš* (наосновное *plene* в парадигме) ~ др.-греч. *νέφος*, ген. *νέφους*, но др.-хет. ном.-акк. *kēni* 'колено', ген. *kituw-aš* (< **kituw-āš* с морфологической унификацией флексии) ~ др.-греч. *γόνος*, ген. *γονού-ός*.

Графические гласные кластеры *ai*, *au*, *ei*, *eu*, *ia* и т. д. видимо, проще фонологически интерпретировать как двуслоговые сочетания гласных или даже как двуслоговые сочетания гласных с глиссовой эпентезой: */ayi/*, */awu/* и т. д. (хотя многие авторы видят в них однослоговые дифтонги, не приводя, впрочем, весомых аргументов в пользу такого расширения фонетико-фонологического инвентаря Х.я.).

С о г л а с н ы е

По способу образования			По месту образования				
			Губные	Зубно-альвеолярные	Палатальные	Велярные	Велярные огубленные
Шумные	Взрывные	Сильные	p: (pp, bb)	t: (tt, dd)		k: (kk, gg, qq)	k ^w : (kku, ggu)
		Слабые	p (p, b)	t (t, d)		k (k, g, q)	k ^w (ku, gu)
	Фрикативные	Сильные		s: (šš/ss)		x: (ħħ/hh)	x ^w : (ħħu/hhu)
		Слабые		s (š/s)		x (ħ/h)	x ^w (ħu/hu)
Сонанты	Аффрикаты	Сильные		ts: (zz)			
		Слабые		ts (z) ?			
	Носовые	Сильные	m: (mm)	n: (nn)			
		Слабые	m (m)	n (n)			
	Боковые	Сильные		l: (ll)			
		Слабые		l (l)			
	Дрожащие	Сильные		r: (rr)			
		Слабые		r (r)			
	Глайды		w (u/w)		y (i/y/j/i)		

В таблице в скобках дается традиционная нотация, повсеместно принятая у востоковедов и индоевропеистов при цитировании хеттских форм. Некую разновидность этой же традиционной нотации мы принимаем в настоящем очерке, иначе неподготовленному читателю было бы трудно соотнести информацию из нашего очерка с другими грамматическими описаниями Х.я. Главные правила нашей слитной, т. е. интерпретационной записи (см. выше о познаковой транслитерации и слитной «транскрипции») таковы:

— интервокальные двойные согласные записываются как двойные, причем взрывные — как двойные глухие, т. е. *ta-an-na-ad-da-an* = *tannattan*;

— интервокальные одиночные согласные записываются как одиночные, причем взрывные — как одиночные звонкие, т. е. *e-ka-an* = *egan*;

— вне интервокальной позиции (т. е. в анлауте, ауслауте и консонантном кластере) согласные записываются как одиночные, причем взрывные — как одиночные глухие, т. е. *da-iš* = *taiš*, *an-da* = *anta*;

— *s* и *s̥*: передаются как *š* и *šš*;

— *ts* и *ts̥*: передаются как *z* и *zz*, напр., *ta-ya-az-zi* = *tayazzi* (о непоследовательности в различии *z* и *zz* см. ниже);

— *x* и *x̥*: передаются как *h* и *hh*;

— у гласных *plene* передается знаком долготы, т. е. *e-eš-zi* = *ēšzi*.

Как видно, слитная запись является транскрипцией только в грубом приближении. Ниже мы изредка прибегаем к морфонологической записи, даваемой в фигурных скобках { }; в этом случае предпринимается попытка фонологической транскрипции в соответствии с вышеприведенной таблицей.

Что касается непосредственно фонетической интерпретации, то, с известной долей осторожности, можно сказать следующее.

У согласных надежно постулируется противопоставление по крайней мере двух серий: сильной и слабой; традиционная интерпретация для шумных — глухая и звонкая серии (конечно, одна терминология может здесь не противоречить другой, вопрос лишь, что имело больший фонологический вес: конфигурация связок или напряженность ротовой полости/длительность произнесения).

Противопоставление двух серий фонологично только в позиции между гласными и в позиции между гласным и гайдом *u*, *w* (ниже ради краткости обе эти позиции мы будем обобщенно называть интервокальной позицией). На письме серии обозначались иконически: удвоенный интервокальный согласный для сильных и одиночный интервокальный согласный для слабых: *a-a-ri* = *āri* 'он прибывает' vs. *a-ar-ri* = *ārri* 'он моет'; *a-ša-an-zi* = *ašanzi* 'они суть' vs. *a-aš-ša-an-zi* = *āššanzi* 'они остаются'; редкая форма акк. ед. ч. общ. р. *a-pa-a-an* = *abān* 'тот' vs. прич. ном.-акк. ср. р. *ap-pa-a-an* = *appān* 'схватенный'; архаичный ген. мн. ч. *ra-da-a-an* = *padān* 'ног' vs. прич. ном.-акк. ср. р. *pád-da-an* = *pattan* 'выкопанный'; *še-kán* = *šegan* 'локоть' vs. прич. ном.-акк. ед. ч. ср. р. *še-ik-kán* = *šekkan* 'известный'; *ma-a-la-i* = *mālai* 'соглашается' vs. *ma-al-la-i* = *mallai* 'мелет'; прич. ном.-акк. ед. ч. ср. р. *ku-na-an* = *kunan* 'пораженный, убитый' vs. акк. ед. ч. общ. р. *ku-un-na-an* = *kunnan* 'правый'; прич. ед. ч. ср. р. *ša-a-ḥa-an/ša-ḥa-a-an* = *šāḥan/šaḥān* 'забитый, заблокированный' vs. *ša-aḥ-ḥa-an* = *šaḥḥan* (вид феодальной повинности) В Алалахе VII (пока наиболее вероятный для хеттов источник заимствования клинописи) удвоенные интервокальные согласные употреблялись в соответствии с обычной ассирио-аввилонской практикой, т. е. передавали геминаты. Иногда встречающиеся попытки интерпретировать противопоставление хеттских шумных как звонкий — глухой (*d* — *t*) или непридыхательный — придыхательный (*t* — *t^h*) сталкиваются в частности с типологическими трудностями: использование удвоенного написания согласного для выражения оппозиции вида *d* — *t* или же *t* — *t^h* необычно с точки зрения типологии систем письма и вряд ли объяснимо с точки зрения перцептивной фонетики.

Геминированный характер одной из серий подтверждает и хеттская морфонология, ср. контекст с противительной энклитикой *-a* 'но, же', где конечный согласный, попадая в интервокал, остается графически одиночным: *a-pa-a-ša* = *abāš=a* 'но этот', *-še-da* =

-šed=a 'но его' (ном.-акк. притяж. мест. ср. р. ед. ч.), *pa-ta-a-na* = *padān=a* 'но ногу'. Но при аналогичном присоединении энклитики *-ya* 'и' согласный графически удваивает вследствие сандхи *Cy > C*: — *a-pa-a-aš-ša* = *abašš=a* 'и этот', *-še-it-ta* = *-šett=a* 'и его' (ном.-акк. притяж. мест. ср. рода ед. ч.), *pa-ta-a-an-na* = *padān=a* 'и ногу'.

С этимологической точки зрения, интервокальная сильная серия взрывных (*p*, *t*, *k*) восходит к индоевропейским глухим (**p*, *t*, *k*, и т. д.), а интервокальная слабая серия (*p*, *t*, *k*) — к индоевропейским звонким и звонким придыхательным (**b*^h, *d*, *d*^h, *g*, *g*^h и т. д.).

Интервокальная сильная серия сонантов (*l*, *r*, *n*, *m*), видимо, обычно восходит к консонантным кластерам (некоторые авторы предполагают и диахроническую связь с местом ударения и характером гласного окружения).

Происхождение оппозиции *s*: — *s* менее ясно.

Что касается предполагаемой по системным соображениям оппозиции *ts*: — *ts*, то здесь ситуация достаточно неопределенная. В отличие от остальных пар, графическое противопоставление *zz* — *z* крайне неустойчиво, и если какая-либо морфема, содержащая обсуждаемые единицы, хорошо представлена в текстах, то мы ожидаем найти достаточное количество ее фиксаций как с удвоенным написанием *Vz-ZV*, так и с одиничным (*C*)*V-zV*, причем обычно удвоенное написание статистически преобладает. Более того, не ясно, существуют ли хеттские лексемы, которые последовательно пишутся с одиничным *z* (что предполагало бы фонему *ts*). Таким образом, или аффрикаты были представлены единственной фонемой *ts* (отсутствие фонологического противопоставления *ts*: — *ts* провоцировало непоследовательность в выписывании удвоенного *Vz-ZV*), или же фонологическая оппозиция *ts*: — *ts* имела место, но элемент *ts* был маргинальной фонемой, ограниченной небольшим числом иноязычных заимствований.

Вне интервокальной позиции (т. е. в анлауте, ауслауте и в консонантном кластере) противопоставление двух серий графически не прослеживается, и, видимо, следует считать, что это были позиции фонологической нейтрализации.

Исходя из передачи хеттских слов в каппадокийском староассирийском, древнеегипетском и угаритском (иноязычные данные, впрочем, весьма скучны), а также по аналогии с дистрибуцией фонем в хурритском языке и общей фонетической типологией, можно предположить следующее.

В ауслауте были возможны только слабые (реализовавшиеся как звонкие?). Это как будто подтверждают и внутрихеттские данные, ср. случаи с энклитиками вроде *ra-i-ta-aš* ~ *ra-a-i-ta-aš*, т. е. *paid₁=aš₂* 'он₂ пошел₁', где окончание 3-го лица единственного числа претерита *-d* восходит к индоевропейскому **t*.

В кластере с сонантом были возможны только слабые (реализовавшиеся как звонкие?).

Анлаутная позиция и позиция в кластере с шумным менее ясны. Иноязычные данные как будто указывают здесь на оглушение шумных, это же предполагает и аналогия с хурритским. Что касается собственно хеттских данных, то при редупликации анлаутный согласный, попавший в новую интервокальную позицию, обычно (но не всегда) выписывается как удвоенный: *ki-kkiš- < kiš-* 'становиться, делаться', *pa-pparš- < parš-* 'брьзгать', *li-l(l)ib-a- < lib-* 'лизать'). Однако, в хеттских композитах начальный согласный, попадая в новую интервокальную позицию, обычно выписывался через одиничный знак, что предполагает слабую серию: *šalla-gart-ādar* 'высокомерие' (< *salli-* 'большой' + *kart-* 'сердце' + суффикс *-ādar*), *anna-negeš* 'единокровные сестры' (*anna-* 'мать' + *nega-* 'сестра'). Аналогично отсутствует графи-

ческое удвоение при присоединении проклитического союза *ti* к полноударному слову (что показательно для древнехеттской графики; см. 2.3.7.).

Дополнительную сложность в анализ вносит следующий факт хеттской морфонологии: если образовавший на стыке морфем кластер слабый шумный + шумный разбивается вторичной вставной гласной, то первый элемент, попав в новую интервокальную позицию, выписывается как удвоенный (т. е. сильный) согласный. Пример: глагол *ḥueg-/hug-* ‘заклинать’, 3 л. мн. ч. през. {xuk + antsi} → *ḥug-anzi* (*ḥu-kán-zi*), но имперфективная основа с суффиксом *-ške-* реконструируется как {xuk + ske + ...} → **ḥukške-*, что в результате более поздней вставки гласного дает не ожидаемое ***ḥug-e-ške-*, а *hukk-e-ške-* (например, 3 л. ед. ч. през. *ḥu-uk-ki-eš-ki-iz-zi* = *hukk-e-ški-zzi*).

Окончательный решить вопрос фонетико-фонологической интерпретации консонантных серий в Х.я. можно будет тогда, когда накопится достаточно представительный корпус хеттских форм, записанных угаритским алфавитным письмом.

Переднеязычные аффрикаты *tš* и *tš:* записывались знаками серии Z (отсюда и их традиционная транслитерация как *z, zz*).

Сибилянты имелись только одного места образования, соответственно фонетически их проще всего интерпретировать как *s* и *s:* (передача хеттских сибилянтов через знак *t* в алфавитном угаритском письме является только дополнительным аргументом в пользу того, что угар. *t* фонетически представлял собой [s]). На письме сибилянты обозначались знаками серии Š. В позднем языке изредка встречается употребление и знаков серии S как вариантов к написаниям через Š.

Заднеязычные фрикативные *x* и *x:* представляли собой велярные (или увулярные) согласные, они записывались знаками серии Ҫ (аналогично и в аккадском языке эта серия использовалась для велярных/увулярных фрикативных). Велярно-увулярный характер хеттских *h* и *hh* однозначно следует из передачи соответствующих хеттских форм в древнеегипетском и угаритском. Термин «ларингалы» применительно к хеттским (и вообще к анатолийским) *h, hh* является индоевропеистическим жаргонизмом.

Фонетическая реализация огубленных фонем (*kʷ, k:ʷ, xʷ, x:ʷ*) в позиции перед гласным, видимо, совпадает с реализацией сочетания соответствующей неогубленной заднеязычной фонемы с фонемой /w/ (по крайней мере, на письме разницы не прослеживается). В позиции перед согласной, однако, можно проследить противопоставление между лабиовелярными фонемами и сочетаниями согласных с гласным *-i-*. На особый фонологический статус лабиовелярных (по крайней мере, в пракхеттском и древнехеттском) указывают прежде всего два рода фактов. Во-первых, отсутствие пракхеттского перехода *-uwVN- > -umVN-* (см. 2.1.3.): например, *a-ku-e-ni* = *agueni* {akʷ + weni} ‘мы пьем’ — при вокальном исходе глагольной основы **{aku + weni} ожидалась бы назализованная форма ***a-ku-me-ni* = *agumeni*. Во-вторых, в древнехеттских текстах лабиовелярный может показывать особое написание в позиции перед шумным, например, {ekʷ + ts:i} ‘он пьет’ имеет как и ожидаемое графическое выражение *e-ku-uz-zi* = *eguzzi*, так и вариант *e-uk-zi* = *eukzi* — оба типа написания существуют в качестве дублетов, и нет оснований считать, что они передают разную фонетику.

Позиционные ограничения фонем довольно серьезные. Сильная серия согласных не встречается в анлауте, ауслауте и консонантных кластерах. Сонант *r* не встре-

чается в анлауте. Сонант *m* не встречается в ауслауте (исторически **-m# > -n#*). Также в ауслауте запрещены глады *-y* и *-w* (если формы вида *ra-i = rai* 'дай!' интерпретировать как /rai/ или /rau/i/, см. выше). В ауслауте очень редок сегмент *h*. Можно считать, что в анлауте запрещены гласные, которые в таком случае автоматически «прикрываются» не отражаемой на письме гортанной смычкой [?], однако подобная интерпретация не дает никакого выигрыша.

Неясно, можно ли, с формальной точки зрения, объединять *y* в одну фонему с гласным *i*, а *w* — в одну фонему с гласным *u*.

Длительную историю имеет сама собой напрашивающаяся идея, что наличие в хеттской системе письма эквивалентных и взаимозаменимых (или, при таком подходе, квазиэквивалентных) пар знаков TA — DA, TI — DI, PA — BA, KA — GA, KU — GU и подобных отражают какие-либо фонетические феномены Х.я., а именно — различают серии шумных согласных (глухую, звонкую и даже, как предполагают некоторые авторы, абруптивную). Необходимо признать, что пока сторонникам этой гипотезы не удается представить статистически убедительных доводов в защиту своей точки зрения.

2.1.2. Тип и вообще наличие ударения в синхронном Х.я. не ясны. Написания *plene* в данной статье интерпретируются как долгота (см. 2.1.1.), хотя эта долгота и является следом прахеттского ударения.

2.1.3. Г л а с н ы е. Под флуктуациями написаний через знаки серий Е и I часто видят сужение *e > i* в позднем языке или же наоборот расширение *i > e*, однако в действительности материал слишком мал и неоднозначен для каких-либо твердых выводов. Возможно, шел процесс изменения писцовой нормы, т. е. орфографии индивидуальных лексем.

Стяжение: на стыке основы и флексии морфонологическое сочетание *a-V₁ > V₁*, например, ном. ед. ч. *atta-š < {at:a + s}*, но дат.-лок. ед. ч. *att-i < {at:a + i}*, ном. мн. ч. *att-eš < {at:a + es}*, акк. мн. ч. *att-uš < {at:a + us}* 'отец'.

Очень частотный фразовый союз *ti* 'и' теряет свою гласную при присоединении энклитики, начинающейся с гласной (*n=an < {nu + an}* 'и его'). Аналогично ведет себя энклитика *-ti* 'меня', (акк.) 'мне': *anta=m=aba < {anta + mu + aba}* 'внутрь мне (+ локативная частица)'. Развитие *u-V₁ > V₁* противоречит хеттской морфонологии, как синхронной, так и диахронической, потому что нормальным является переход *u-V₁ > uV₁* или *uwV₁* (впрочем, служебные и особенно неполноударные морфемы часто показывают особое фонетическое развитие в языках мира).

Синкопа: группы *-wa/e/i-* и *-ya/e/i-* спорадически синкопируются в *-u-* и *-i-* (ср., например, варианты *hualliš* (и *huwalliš*) ~ *hulliš* 'шишка'). Точные фонетические условия не ясны. От таких случаев следует отличать абраутные парадигмы глаголов, где ступени чередования распределены по грамматическим формам (см. 2.2.3.).

С о г л а с н ы е. В некоторых формах ауслаутное *r* может падать. Это прахеттский процесс, точные условия которого не ясны. Видимо, он был ограничен позицией *-ar#*, где гласный *-a-* безударен (т. е. не имеет *plene* в синхронном хеттском), однако должны были существовать и дополнительные условия для указанного развития, которые имели место при парадигматическом или синтагматическом изменении. Надежно падение ауслаутного *r* фиксируется только в формах номинатива-аккузатива имен среднего рода, например, *tiyada* 'процветание' наряду с *tiyadar*. Именные формы без *-r* характерны для архаичного языка, однако и в древнехеттском варианты с *-r* более

частотны; в средне- и новохеттском варианты с *-r* уверенно побеждают. Так как большинство существительных, показывающих формы без *-r*, относится к гетероклиническому типу склонения, т. е. имеет косвенную основу на *-n-*, а не на *-r-* (см. 2.2.3., 2.4.0.), объяснять более частотные варианты с ауслautным *-r* парадигматическим выравниванием по косвенной основе нельзя. Вторым примером на данный процесс может являться энклитический показатель прямой речи *-wa(r)*, который имеет такое распределение алломорфов: *-war* перед гласным (т. е. если в цепочке клитик за ним следует энклитика, начинающаяся с гласного), *-wa* перед согласным и в абсолютном конце. В отличие от именных форм среднего рода, указанное распределение алломорфов *-wa(r)* регулярно для всех периодов Х.я.

Ассимиляция *-tn- > -nn-* зафиксирована в основном в именном гетероклиническом суффиксе *-(ā)dar*: номинатив-аккузатив *-(ā)dar* (полная ступень суффикса), остальные падежи *-(ā)nn-* (< **-(ā)tn-*, нулевая ступень суффикса). Это не синхронный процесс, т. е. в синхронном Х.я. сочетание *tn* не запрещено.

Развитие *-tm- > -mm- ~ -m-* наблюдается как на внутренних, так и на внешних стыках морфем. На внешнем стыке такой переход встречается при употреблении энклитических местоимений в древне- и среднехеттском как живое явление, а в новохеттском — как реликты, часто неправильно понимаемые переписчиками: *tu-ik-kam-ma-an* = *tuikkam=man* < {*tuik:an* + *man*} ‘мое тело’, реже без геминаты *at-ta-ma-an* = *atta=man* < акк. {*at:an* + *man*} ‘моего отца’. При этом уже в среднехеттском широко употребляются и выровненные формы типа *tuikkān=man*. Основной пример на внутренний стык: *kue-mi* < {*kʷen* + *mi*} ‘я убиваю’.

Аналогично *-tš- > -šš- ~ -š-* как в комплексах с энклитикой, так и на внутренних морфемных стыках. На внешнем стыке процесс характерен для древне- и среднехеттского (*na-aš-ši* < {*nu* + *an* + *s:i*} ‘и его ему’), в новохеттском сочетание *nš*, как правило, восстанавливается (формы с *nš* встречаются и в среднехеттском). Примеры на внутренний стык: *kue-ši* < {*kʷen* + *si*} ‘ты убиваешь’, *išha-ška-nt-a* < {*isxan* + *ska* + *ant* + *a*} ‘окровавленные’ (с глагольным суффиксом *-ške-/ška-* и причастным суффиксом *-ant-*) и др.

Схожим образом *-nw- > -w-*. На внешних морфемных стыках, т. е. в комплексах с энклитическим показателем прямой речи *-wa(r)* такая ассимиляция характерна для архаичного языка: *mā-iwa* < {*mān* + *wa(r)*} ‘если, мол’, при более частотном восстановленном варианте *mān-wa*. Основной пример на внутренний стык: *kue-wen* < {*kʷen* + *wen*} ‘мы убили’.

Кластер *-C₁y-*, образующийся при присоединении энклитического союза *-ya* ‘и’ к форме с ауслautным согласным, развивается в *-C₁C₁-* (т. е. *-C:-*), примеры см. 2.1.1. Особый случай, сложный и для диахронической, и для синхронной интерпретации, представляет собой сочетание {*-ant-s* + *ya*}, т. е. графическое *-anza* (ном. ед. ч. общ. р. от основы с суффиксом *-ant-*) + *-ya*. Такие сочетания записываются как *-an-za-aš-ša* или (реже) *-an-za-ša*.

Очень редко в индивидуальных формах встречается диссимиляция сонантов: *r...r > r...n* в *ur-ani* ‘он горит’ < {*ur* + *ari*}.

Ассимилятивно-диссимилятивные процессы происходили на стыке морфем в кластерах *t—t*, *t—z*, *t—š*, где первый элемент переходил во что-то вроде [ts]. Хорошим примером служат синхронные парадигмы атематических глаголов в архаичном языке, например, *ed-/ad-* ‘есть (кушать)’ и *mad-* ‘выстоять’: 2 л. ед. ч. през.

e-iz-ši = *ēzši* < {et + si}, 3 л. ед. ч. имп. e-iz-du = *ēzdu* < {et + t:u}, 3 л. ед. ч. през. ma-az-zé = *mazze* < {mat + ts:i} (ср. корень в исходном виде в других парадигматических формах: 1 л. ед. ч. през. e-it-mi = *ētmi* < {et + mi}, 3 л. мн. ч. през. a-da-an-zi = *adanzi* < {at + antsi}). В позднем языке такие формы подвергались переразложению, в результате чего получались новые основы вида *ezz(a)*- 'есть' с формой 3-го лица единственного числа презенса вида e-iz-za-zi = *ēzza-zi* или даже e-iz-za-i = *ēzza-i* (по *hi*-спряжению). Другой частотный пример — флексия ном. ед. ч. общ. р. -š у основ на -d, -tt, ср. ka-ri-iz = *kariz* < {karit: + s} или адъективный суффикс *-ant-*, у которого форма номинатива единственного числа общего рода имеет вид -an-za = *-anza* = [-andz](?) < {-ant + s}, где конечный знак передает согласный без гласного, так как напрямую выразить ауслautный кластер -CC# средствами клинописи невозможно. Однако на стыке слов (контекст с энклитикой) сочетание *t-š* в архаичном языке упрощалось в *šš* (*ta-aš-še* = *tašše* < {ta + at + s:i} 'и это ему'), а позднее сохранялось (*na-at-ši* < {nu + at + s:i} 'и это ему' с другим сочинительным союзом).

Сочетание *z-š* упрощалось в *z(z)* [*ts* ~ *ts:*], речь идет об одной позиции: сочетание энклитического рефлексивного местоимения *-z(z)a* (с архаичным вариантом *-z*) и энклитической локативной частицы *-š(š)an*: напр., *nu-uz-za-an* < {nu + *ts*: + s:an}. Однако в сочетании ablativной формы с энклитическим притяжательным местоимением ассилияции не происходит, например, *tuēkkaz=šit* 'из его тела'.

Интерес представляет собой прахеттский процесс *-uwVN- > umVN-* и *-wuN- > muN-*, ср. окончание 1 л. мн. ч. през. *-meni* у *u*-основ вместо стандартной флексии *-weni*: *wa-ar-nu-me-ni* = *warnu-meni* < {warnu + weni} 'мы жжем', или появляющийся исход *-m* у именных основ на *-w-* или *-wa-* при присоединении флексии акк. мн. ч. общ. р. *-uš* (морфема восходит к **-VNs*): *i-da-a-la-mu-uš* = *idālam-uš* < {idalaw + us} от *idalu-/idalaw-* 'злой', *ne-mu-uš* = *nem-uš* < {newa + us} от *newa-* 'новый'.

У *п* *р* *о* *щ* *е* *н* *и* *е*. Группы «*n* + заднеязычный (*k*, *h*)» теряют носовой в позиции перед шумным согласным или паузой: 3 л. ед. ч. през. *li-ik-zi* = *likzi* < {link + ts:i} 'я клянусь', 2 л. ед. ч. имп. *li-i-ik* = *līk* < {link + Ø} 'клянись!', при 3 л. мн. ч. през. *li-in-kán-zi* = *linkanzi* < {link + antsi} 'они клянутся', 1 л. мн. ч. прет. *li-in-ku-en* = *linkuen* < {link + wen} 'мы поклялись' (в позднем языке такие парадигмы могут подвергаться выравниванию с восстановлением носового).

Глайд *у* обычно выпадает в интервокальной позиции — по крайней мере, между непередними гласными: ген. ед. ч. *šall-aš* < {sal:ay + as} (при более поздней аналогической форме *šallay-aš*), акк. мн. ч. общ. р. *šalla-uš* < {sal:ay + us} 'большой'.

В ауслautном кластере «сонант + *t*» второй элемент падает. Это приводит к чередованию *Ø/t* в прилагательных и причастиях с суффиксами *-ant-* и *-want-*, ср. основу *mašiwant-* 'равный': ном.-акк. ед. ч. ср. р. с нулевым окончанием *mašiwan* < {masiwant + Ø}, косвенные падежи *mašiwant-* (например, ген. ед. ч. *mašiwant-aš*). Возможно, в синхронном Х.я. в ряде морфологических позиций такой ауслautный кластер был восстановлен по аналогии.

2.1.4. Слогообразующим элементом является гласный. Не ясен статус сочетаний «согласный + глайд *u/w*», так как графика не дает однозначного ответа на вопрос, когда сочетания *CuV/CwV* сохраняются, а когда образуют дополнительный слог, развиваясь в *CiV/CiwV*. Например, форма ген. ед. ч. {xalki + as} 'зернá' может быть передана эквивалентными написаниями *hal-ki-aš* = *halkiaš* и *hal-ki-ya-aš* = *halkiyaš*, а форма 3 л. мн. ч.

през. {*ak^w + antsi*} 'они пьют' — *a-ku-an-zi* = *aguanzi*, *a-ku-wa-an-zi* = *aguwanzi* и *a-ku-u-wa-an-zi* = *agūwanzi*.

В анлаутной и ауслаутной позициях встречаются консонантные кластеры СС, а в интервокале кластеры СС и ССС, причем на письме такие сочетания (кроме интервокальных СС) часто выражаются двусмысленно в силу структурных ограничений клинописи.

В интервокале возможны самые разнообразные кластеры СС (особенно учитывая заимствованную лексику) как внутри морфемы, так и на морфемном стыке. Кластеры ССС надежно постулируются для морфемных стыков: *wa-al-aḥ-zi* = *wal^hzī* с графическим вариантом *wa-la-aḥ-zi* = *walazī* < {*walx + ts:i*} 'он бьет', где ломанное написание *-al-aḥ-* указывает на отсутствие гласной между *l* и *ḥ*.

В ауслауте возможны кластеры, по крайней мере, вида «сонант + спирант/аффриката», например, форма 3 л. ед. ч. прет. {*ar + s*} 'он прибыл' (< *ar-* 'прибывать') может записываться как *a-ar-ša*, *a-ar-aš*, *ar-aš* (в последних двух вариантах ломаное написание *AR-AŠ* недвусмысленно указывает на то, что знак *AŠ* использован для передачи */s/*, а не */as/*).

В анлауте возможны, видимо, только кластеры «*s* + шумный», которые последовательно записывались через знак *İš*, например, *iš-pa-a-i* 'он насыщается' = */spā.../*.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Жесткие структурные ограничения, противопоставляющие классы морфем, отсутствуют.

2.2.2. Фонологические противопоставления между морфологическими единицами или категориями не устанавливаются.

2.2.3. Морфологически обусловленные чередования носят сопутствующий характер при формо- и словообразовании и продуктивны в атематических основах в имени и глаголе, *i-* и *u-* основах в имени а также в некоторых словообразовательных категориях.

В окалические чередования обычно восходят к индоевропейскому аблautу, т. е. чередованию полной (**o* > хетт. *a*, **e* > хетт. *e*) и нулевой ступеней (> хетт. *a* или *Ø*).

В системе имени частотны чередования *u* — *aw* и *i* — *ay* во втором слоге двухсложных *u-* и *i-* основ прилагательных (но не существительных), см. 2.4.0. Корневые вокалические чередования этимологических полной и нулевой ступеней реликтово сохраняются в отдельных существительных: *kir* (прямая основа < **kert*) — *kart-* (косвенная основа) 'сердце', *É-ir* (= **pir*, прямая основа) — *parn-* (косвенная основа) 'дом', *tešha-* (прямая основа) — *zašh-* (косвенная основа < **tsx-*) 'сон', видимо, сюда же *aiš* (прямая основа) — *išš-* (косвенная основа) 'рот'.

В глаголе вокалические чередования также обеспечивают противопоставление сильной и слабой основ. Глагольная система аблautа сохранилась значительно лучше, чем именная, хотя и здесь обнаруживает многочисленные формы, явно подвергшиеся аналогии.

Надежно постулируемые позиции сильной основы у глаголов *mi*-спряжения: единственное число презенса и императива и оба числа претерита. Слабая ступень у глаголов *mi*-спряжения надежно постулируется для множественного числа презенса, формы 3-го лица множественного числа императива и отглагольных именных форм.

Сильная основа этимологически представляет собой полную ступень, а слабая — нулевую. Основные типы абраутных *mi*-глаголов могут быть проиллюстрированы лексемами *ēd*- — *ad*- 'есть (кушать)' и *hiēg*- — *hug*- 'зарезать'. Отдельную группу образуют абраутные глаголы *hi*-спряжения типа *pai*- 'давать', *nai*- 'поворачивать', у которых основы имеют вида *pai*- — *pe*- — *pi*-, *nai*- — *ne*- с другим распределением в парадигме, нежели описано выше для *mi*-спряжения. Особняком стоят несколько глаголов *hi*-спряжения с исходом на шумный, показывающих абраут *a/e*, напр., *karāb*- — *karēb*- 'пожирать'. Можно выделять и другие редкие типы абраутных глагольных основ.

У тематических глаголов *mi*-спряжения (в основном речь идет об основах с суффиксами *-ške*-, *-ye*- и *-a-ye*-, так как корневые тематические глаголы в Х.я. фактически не представлены) тематический гласный может иметь вид как *-e*-, так и *-a*- . Очевидно, что изначально *-e*- и *-a*- были распределены по грамматическим формам, однако установить исходную систему не очень просто, так как в синхронном Х.я. эти глаголы показывают многочисленные случаи дублетных форм с *-e*- и *-a*- (начиная уже с древнехеттского периода). Далее приводятся некоторые диагностические формы, которые, судя по древнехеттскому материалу, можно считать исторически правильными.

Имперфективы с суффиксом *-ške*-/*-ška*- (*ta-ške*- 'брать' и *unu-ške*- 'украшать'): 1 л. ед. ч. през. *da-aš-ki-e-mi* = *taškēmi* {taške + mi} 'я беру', 3 л. ед. ч. през. *da-aš-ki-iz-zi* = *taškizzi* {taške + ts:i} 'он берет', 1 л. мн. ч. през. *da-aš-ki-e-u-e-ni* = *taškēweni* {taške + weni} 'мы берем', 3 л. мн. ч. през. *da-aš-kán-zi* = *taškanzi* {taška + ntsi} 'они берут', прич. ном. ед. ч. общ. р. *ú-nu-us-kán-za* = *unuškanza* {unuška + nt + s} 'украшенный'.

Деноминативы с суффиксом *-aye*-/*-a*- (исторически **-a-ye*-/*-a-ya*): 1 л. ед. ч. през. *tar-ma-e-mi* = *tarmaemi* {tarmaye + mi} 'я прибываю (гвоздями)', 3 л. ед. ч. през. *ir-ḥa-iz-zi* = *irḥaizzi* {irxaye + ts:i} 'он очерчивает', 3 л. мн. ч. през. *ir-ḥa-a-an-zi* = *irḥānzi* {irxaya + ntsi} 'они очерчивают', прич. ном. ед. ч. общ. р. *ḥa-an-da-a-an* = *hantān* {xantaya + nt + Ø} 'упорядоченный' (о выпадении *-y-* см. 2.1.3.).

Если не диахронически, то по крайней мере синхронно можно считать, что в таких глаголах тема представляла собой неабраутное *-e*-, которое по общему правилу (2.1.3.) элиминировалось перед гласным *-a*- суффикса, т. е. *taškanzi* < {taške + antsi}, *unuškanza* < {unuške + ant + s}, *irḥānzi* < {irxaye + antsi}, *hantān* < {xantaya + ant + Ø}.

Консонантные чередования обычно касаются финального сегмента основы.

Для имени это, в первую очередь, чередование *r/n*, засвидетельствованное в парадигме основ среднего рода с исходом *-r* в номинативе-аккузативе обоих чисел при *-n*- во всех прочих падежах — так называемое гетероклитическое склонение, которое продуктивно в хеттском, в отличие от других индоевропейских языков, например, *ēšhar* — ген. *isḥan-aš* 'кровь' (полную парадигму гетероклитического имени *wadar* 'вода' см. 2.4.0.).

Также имеется тип имен общего рода с наращением *-n*- во всех формах, кроме номинатива единственного числа. Например, ном. ед. ч. *hara-š*, акк. ед. ч. *haran-an* (уже в среднехеттском появляется вторичная форма *hara-n*), ген. ед. ч. *haran-aš* 'орел'.

В ряде глагольных форм *hi*-спряжения (например, у *pai*- 'давать') перед зубным флексии нередко появляется «сигматический» элемент *-š-*: 2 л. ед. ч. през. *pai-š-ti/pe-š-ti/pai-tti* 'ты даешь', 2 л. мн. ч. през. *pi-š-teni* 'вы даете', 2 л. мн. ч. имп. *pi-š-ten/pai-š-ten* 'дайте!', см. 2.3.5.

Консонантное чередование сильный ~ слабый наблюдается в парадигме крайне небольшого числа глаголов, например, *āg-* (сильная основа) — *akk-* (слабая основа) 'умирать', *išlāp-* — *ištapp-* 'закрывать', *hāš-* — *hašš-* 'рожать'. Этимологические предпосылки такого чередования не ясны (следы выровненной по аналогии лениции, происходившей в определенных сегментных и/или акцентных условиях в прахеттском?).

Основа глагола *har(k)-* 'держать' имеет вид *har-* при флексиях, начинающихся с согласного, и вид *hark-* при флексиях, начинающихся с гласного.

Супплетивные имена в целом нехарактерен для Х.я. Супплетивными являются личные и некоторые указательные местоимения (2.4.0.), а также несколько глаголов: форма 2 л. ед. ч. имп. *eħi* у глагола *iwa-* 'приходить' и парадигма *te-/tar-* 'говорить', где *te-* — сильная основа, а *tar-* — слабая.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

Х.я. относится к синтетическим флексивным языкам, однако соединение морфем характеризуется большой прозрачностью с незначительным количеством сопутствующих фонологических и морфонологических чередований. Характерна суффиксация (словоизменение, словообразование), префиксация (словообразование) редка; о словообразовательной аффиксации см. 2.5.2.

Элементами аналитизма в первую очередь следует считать сложные глагольные формы:

- причастная конструкция с пассивным значением: причастие + глагол *eħ-* 'быть';
- причастная конструкция с перфектным значением: причастие + глагол *eħ-* 'быть' или *har(k)-* 'держать' (см. 2.3.5.);
- сериальная конструкция со значением последовательности: личная форма смыслового глагола + личная форма глагола *pai-* '(у)ходить' или *iwa-* 'приходить';
- конструкция с индоевропейским значением: супин на *-wan* от основы с имперфективным суффиксом *-ške-* + глагол *tai-* 'класть' или *tīya-* 'ступать' (пример см. 2.3.7.).

В целом, Х.я. является типовым представителем индоевропейской семьи.

2.3.1. Части речи выделяются на основании морфологических, синтаксических и семантических критериев. См. 2.3.7.

2.3.2. Имя обладает следующими грамматическими категориями: род (согласовательный класс), число, падеж. Для существительных род является словообразовательной категорией, число и падеж — словоизменительными. Для прилагательного все три категории словоизменительные.

Все три категории выражаются синтетически (суффиксально).

Морфологическое согласование по роду, числу и падежу (т. е. выбор падежно-числовой флексии) происходит между существительным и относящимся к нему прилагательным. Между именем — субъектом предложения и глаголом происходит согласование по числу (глагол также согласуется с субъектом по лицу, см. 2.3.6.). Существительные в номинативе-аккузативе множественного числа среднего рода имеют особенности в согласовании по числу: стоящее при таком существительном атрибутивное прилагательное закономерно принимает форму множественного числа, а глагол, при котором такое существительное выступает субъектом, употребляется в единственном числе; аналогично и в именных предложениях, где такое существительное выступает субъектом, предикативное при-

лагательное стоит в единственном падеже (независимо от того, выражен в предложении глагол-связка или опущен).

Согласовательные классы представлены двухродовой системой: общий род — средний род. Существительные, обозначающие одушевленных существ — божеств, людей, животных, — почти все относятся к общему роду (немногочисленные исключения, в основном, составляют собирательные имена с суффиксами *-adar*, *-eššar* вроде ср. р. *haššadar* 'семья, родня'). Остальные существительные могут относиться как к общему, так и к среднему роду без каких-либо очевидных правил семантической мотивации.

Формальное (морфологическое) различие общего и среднего родов имеет место только в именительном и винительном падежах, где формы общего рода имеют окончания ном. ед. ч. *-š*, акк. ед. ч. *-n*, ном. мн. ч. *-eš*, акк. мн. ч. *-uš*, а формы среднего рода имеют окончания ном.-акк. ед. ч. *-θ* или *-n* и ном.-акк. мн. ч. *-θ*).

Для удобства морфологического описания имена в соответствии с исходом основы разделяются на *a*-основы, *i*-основы, *u*-основы, *ai*-основы, консонантные основы (последние могут подразделяться на *r*-основы, *nt*-основы и т. д.).

2.3.3. И в имени (существительные, прилагательные), и в глаголе представлено единственное и множественное число. Формальное противопоставление по числу выражается при помощи разных наборов флексий (в личных формах глагола во всех лицах; у имен — в большинстве падежей, но не во всех).

На небольшом числе примеров можно попытаться постулировать категорию собирательности: у неодушевленных имен общего рода формы номинатива и аккузатива множественного числа могут иметь как закономерные флексии *-eš*, *-uš* (что трактуется как выражение количества), так и флексию среднего рода *-θ/-a* (что трактуется как выражение собирательности). Например, ном. мн. ч. *alpeš*, акк. мн. ч. *alpiš* '(отдельные) облака' vs. ном.-акк. мн. ч. *alpa* 'гряды облаков' < общ. р. *alpa* 'облако'. Несколько такая семантическая трактовка оправдана текстологически, остается под вопросом.

Числительные обычно записываются идеограммами (шумерограммами), заимствованными из ассирио-аввилонской клинописи. В транслитерации эти знаки передаются арабскими или римскими цифрами («½», «1», «2»... или «I», «II»...). Хеттские слова известны для следующих количественных числительных: 'один' *šia-*, 'два' *ta-* (?), 'три' *teri-*, 'четыре' *teu-*, 'семь' *šiptam-*, также ср. лувийское *nuwa(n?)* 'девять'.

С большой вероятностью можно предположить, что хеттская система счисления в исторический период была десятичной.

Имя при числительном свыше единицы может стоять как во множественном, так и в единственном числе.

Для двух порядковых числительных известно хеттское чтение: *hantezzi-* (прилагательное) 'первый; передний; лучший', *tān* (несклоняемое) 'второй'.

2.3.4. Существительные и прилагательные обладают общим набором флексий. Выделяются следующие падежно-числовые показатели, используемые суффиксально (об особом словоизменении основных местоимений см. 2.4.0.):

Падеж	Ед. ч.		Мн. ч.	
	Общ. р.	Ср. р.	Общ. р.	Ср. р.
Ном.	- <i>s</i> (- <i>θ</i> , - <i>z</i>) ¹		- <i>es</i> (- <i>iš</i> , - <i>uš</i> , - <i>as</i>) ⁹	
Аkk.	- <i>n</i> ²	- <i>θ</i> , - <i>n</i> ³	- <i>uš</i> (- <i>es</i> , - <i>iš</i> , - <i>as</i>) ⁹	- <i>θ</i> (- <i>a</i> , - <i>i</i>) ¹⁰
«Эрг.»	—	- <i>anza</i> < {-ant-s}		- <i>ant-eš</i>
Ген.		- <i>aš</i>		- <i>an</i> , - <i>as</i> ¹¹
Дат.-лок.		- <i>i</i> (- <i>a</i> , - <i>θ</i>) ⁴		- <i>aš</i>
Алл.		- <i>a</i> ⁵		
Абл.		-(<i>a</i>) <i>z</i> (- <i>za</i> , - <i>anza</i>) ⁶		
Инстр.			- <i>it</i> , - <i>t</i> ⁷	
Вок.	- <i>θ</i> (- <i>i</i> , - <i>e</i>) ⁸	- <i>ant-i</i> , - <i>anza</i>	= НОМ.	?

П р и м е ч а н и я:

1. В номинативе единственного числа общего рода у *r*-основ окончание может быть -*θ* или -*z* (графически -*za*: *haster-za* 'звезды'). У *t*-и *nt*-основ сандхи *t-s* > *z*, см. 2.1.3.

2. В аккузативе единственного числа общего рода у консонантных основ окончание -*an*.

3. В номинативе-аккузативе единственного числа среднего рода флексия -*n* у *a*-основ и -*θ* у других типов основ.

4. В дативе-локативе единственного числа окончание -*a* у *i*- и *ai*-основ (*luwaši-y-a* < *luwaši* 'колонна', *zahhiy-a* < *zahhai-* 'битва'), таким образом, эта форма совпадает с формой аллатива. Из архаичного языка также известно некоторое количество форм датива-локатива от консонантных основ с нулевым окончанием: *šiwal* 'в (тот) день', *tagan* 'на земле' (позднее лексикализировано как наречие), *nebiš* 'в небе'.

5. Аллатив с окончанием -*a* характерен для архаичного языка, позднее вытесняется формами датива-локатива единственного числа с окончанием -*i*.

6. В ablative-локативе единственного и множественного числа у *a*-, *i*-, *u*-основ окончание -*az* (поздний вторичный вариант -*aza*); у консонантных основ также -*az*, но в архаичном языке встречается и окончание, выписанное через знак -*ZA*: *ne-pi-iš-za* = *nebiš-za* 'с неба' (< *nebiš* 'небо') — очевидно, фонетически [nepiſt̪], так как ауслautный консонантный кластер не мог быть выражен напрямую средствами клинописи. Изредка встречается назализированное окончание -*anza* (уже в древнехеттском). Исходной формой флексии было, видимо, -*zi* (точнее, -*zzi*), которое сохраняется в некоторых окаменелых образованиях: показатель инфинитива -*wan-zi* и, возможно, наречия *kē-zzi* 'с этой стороны', *kue-zzi* 'с которой стороны' (если эти наречия не новообразования).

7. В инструменталисе единственного и множественного числа обычно окончание -*it*, однако изредка встречается архаичная форма -*t*, которая, в частности, у консонантных основ выписывается как знак -*TA*: *ki-iš-šar-ta* = *kiššar-ta* 'рукой' < *kiššar* 'рука' (см. выше схожую ситуацию с флексией ablative-локатива).

8. В вокативе единственного числа у всех типов основ встречается окончание -*i* ~ -*e* наряду с -*θ*.

9. В номинативе и аккузативе множественного числа общего рода в позднем языке (уже со среднехеттского периода) наблюдается смешение флексий -*eš* (с вариантом -*iš*) и -*uš*, кроме того, у *i*-основ может появляться флексия -*aš* (т. е. исход словоформы на -*iyaš*). К концу новохеттского периода -*uš* становится наиболее частотным окончанием в обоих падежах. О флексиях среднего рода nom.-akk. мн. ч. -*θ*-*a*, встречающихся у неодушевленных существительных общего рода (выражение собирательности?), см. 2.3.3.

10. В номинативе-аккузативе множественного числа среднего рода флексия -*a* появляется в позднем языке. У *r*-основ также появляется флексия -*i*.

11. В генитиве множественного числа для архаичного языка характерна флексия -*an*, хотя уже в древнехеттском она начинает вытесняться флексией -*ab* (синкремизм с генитивом единственного числа и дативом-локативом множественного числа).

Субъект переходного и непереходного глагола, а также именное сказуемое выражаются номинативом; объект переходного глагола — аккузативом (примеры см. 2.5.3.).

Атрибутивное отношение (посессивность) выражается генитивом (в архаичном языке часто в сочетании с притяжательным энклитическим местоимением) или энклитическими притяжательными местоимениями (см. 2.4.0.), примеры см. 2.5.3. Категории неотторжимой принадлежности в Х.я., видимо, нет, см. 2.5.3.

Адресат выражается дативом:

- (1) ták-ku DUMU.MUNUS LU-ni ta-ra-an-za
takku DUMU.MUNUS *LU-n-i*
 если молодая.женщина.НОМ.ЕД мужчине(ЛУ-n-)Д/Л.ЕД
tar-anza {tar-ant-s}
 говорить-ПРИЧ-НОМ.ЕД.ОБЩ
 'Если молодая женщина обещана мужчине'.

Разнообразные значения места и траектории выражаются дативом-локативом или же сочетанием имени и пространственного наречия (т. е. послелога и преверба). Причем, для древнего языка в конструкциях с наречием характерен генитив (наречие стоит после имени и, таким образом, в хеттологической традиции называется послелогом), который позднее вытесняется дативом-локативом (наречие в таком случае может стоять как после имени, так и перед именем). Исторически послелоги представляют из себя застывшие падежные формы (2.3.7.), определяемые именем в генитиве.

Пример на безнаречное употребление датива-локатива:

- (2) na-aš nam-ma a-ru-ni za-ah-hi-ya pa-it
n=aš {nu + as} *namma* *arun-i* *zaahhiy-a* *pai-t*
 и=он.НОМ.ЕД.ОБЩ затем море-Д/Л.ЕД битва-Д/Л.ЕД идти-ПРОШ.ЗЕД
 'И затем он пошел к морю на битву'.

Примеры с наречием (послелогом):

- (3) ne-pí-ša-aš kat-ta-an ú-li-li-iš-ki-id-du-ma-at
nebiš-aš *kattan* *ulili-ški-ttumat*
 небо-ГЕН внизу зеленеть-ИМПЕРФ-МЕД.ПРОШ.2МН
 'Вы (= срубленные деревья) зеленели под небом'.

- (4) nu TÚL-i še-ir ^{NA4}ŠU.U ŠÚ.A ki-it-ta
nu *TÚL-i* *še-ir* ^{NA4}ŠU.U ŠÚ.A *ki-tta*
 и источник-Д/Л.ЕД сверху диорит кресло.НОМ.ЕД лежать-МЕД.НАСТ.ЗЕД
 'И вверху источника (= у устья) стоит диоритовый трон'.

В древнем языке у консонантных основ было возможно употребление неоформленной основы в локативной функции (см. примеры в комментарии к таблице выше).

В древнехеттском существовал и отдельный направительный падеж (с наиболее частотным значением «по направлению к чему-либо, к какой-либо точке») — аллатив, вытесненный в дальнейшем дативом-локативом:

- (5) pár-na-aš-ša pa-i-ši
parn-a=šš-a *pai-ši*
 дом-АЛЛ=ПРИТЖ.ЗЕД-АЛЛ идти-НАСТ.2ЕД
 'Ты приходишь к нему в дом'.

Особо выражается аблативная семантика («откуда, из какой точки?») — аблативом:

- (6) na-aš-ta ^{MUŠ}il-lu-ya-an-ka-an ha-an-te-eš-na-az ša-ra-a kal-li-iš-ta
 n=ašta {nu + asta} ^{MUŠ}illuyanka-n hantešn-az šarā kalliš-ta
 и=ЛОК.ЧАСТ змей-АКК.ЕД.ОБЩ нора-АБЛ вверх звать-ПРОШ.ЗЕД
 'И она (= богиня Инара) позвала Змейу из норы наверх'.

Семантика орудия (и агенса в пассивных конструкциях) выражается инструменталисом, но в позднем языке в этой функции начинает употребляться и аблатив:

- (7) nam-ma-an ... ^{SIG}i-y-at-na-aš mu-u-ri-ni-it ú-nu-u-wa-an-zi
 nam=an {namma + an} ^{SIG}iyatn-aš mūrin-it unūw-anzi
 затем=он.АКК.ЕД.ОБЩ тип.шерсти-ГЕН пучок-ИНСТР украшать-НАСТ.ЗМН
 'Затем они украшают ее (= виноградную лозу, используемую в ритуале) пучками
 особой шерсти'.

- (8) ú-i-te-na-az-zi-aš ar-ḥa pa-ap-pár-aš-zi
 widen-azz=i=aš {witen-ats + ya + as} arḥa pappar^aš-zi
 вода-АБЛ=и=он-НОМ/АКК.МН.ОБЩ прочь брызгать-НАСТ.ЗЕД
 '... и полностью окропляют их (= статуэтки божеств) водой'.

Представлены особые формы вокатива, например. *išḥā=mi* 'о мой господин', букв. 'господин=мой', однако чаще в вокативной функции употребляется номинатив.

У имен среднего рода (по крайней мере, у большинства типов основ) существуют особые формы, которые часто называют «эрративным» падежом: ед. ч. *-anza*, мн. ч. *-anteš*. Как обычно описывается в грамматиках, эти формы регулярно употребляются в контексте, когда существительное среднего рода оказывается субъектом при переходном глаголе. Например, *raḥ̣uenanza* = «эрративная» форма *raḥ̣uen-anza* от косвенной основы существительного ср. р. *raḥ̣ur/raḥ̣uen-* 'огонь':

- (9) ma-a-na-an pa-ah-ḥu-e-na-an-za ar-ḥa wa-ar-nu-zi
 mān=an paḥ̣uen-anza arḥa warnu-zi
 пусть=он.АКК.ЕД.ОБЩ огонь-«ЭРГ» прочь жечь-НАСТ.ЗЕД
 'Пусть огонь спалит ее (= гору) дотла'.

По форме элементы *-anza* и *-anteš* являются агглютинативными цепочками суффиксов, состоящими из показателя *-ant-* (который, по крайней мере, формально совпадает с очень частотным деривационным адъективным суффиксом, образующим в частности глагольное причастие) и показателей именительного падежа общего рода ед. ч. *-š* и мн. ч. *-eš*. С формальной точки зрения, эти формы можно трактовать как парадигматические словоизменительные (т. е. предполагаемая расщепленная эрративность), однако можно их описывать и как словообразование с помощью суффикса *-ant-* (примеры на «анимирующую» функцию этого суффикса известны в Х.я.).

Некоторые аргументы против непосредственно эрративной трактовки:

— агглютинативное словоизменение, равно как и эрративность противоречит общим флексивно-фузионным номинативно-аккузативным принципам грамматики Х.я.;

— формулировка «существительное среднего рода в роли субъекта при переходном глаголе» не вполне точна, так как есть контексты, где формы на *-ant-* используются и при непереходном активном глаголе. Пример: *hiwalliššananzaš₁=a₂*

GIM-*an*₃ *wedeni*₄ *anta*₅ *taškubāizzi*₆ 'как₃ и₂ (горящая) шишка₁ в₅ воде₄ шипит₆' (*huwalliššananzašša* = «эргативная» форма *huwalliššan-anza* от косвенной основы существительного ср. р. *huwalliššar* 'шишка' + энклитика *-ua*; об особом сандхи в таком сочетании см. 2.1.3.). В подавляющем большинстве случаев, правда, при не-переходном активном глаголе используется стандартные формы номинатива-аккузатива среднего рода;

— прилагательные, согласующиеся с таким именем, в архаичном языке обычно имеют флексии ном. ед. ч. общ. р. *-š*, а не *-anza* (напр., *idālu-š uitān-anza* 'злое слово' от *idalu-* 'злой' и ср. р. *uttar/uttan-* 'слово'). Хотя в позднем языке преобладает «полное» согласование: *idālaw-anza uitān-anza* 'злое слово'.

— как указанно в вышеприведенной таблице, существуют и особые формы вокатива на *-ant-i* от основ среднего рода, составленные по той же агглютинативной модели. Такие формы отмечены и при переходном глаголе, и при активном непереходном глаголе, например, обращение после жертвоприношения на некоем священном месте: *pēdanti*₁ *ēd*₂=*za*₃ *tu*₄=*za*₅ *duškiški*₆ 'О (обожествленное) место₁, ешь₂ себе₃ и₄ возрадуй-ся₆ себе₅!' (где *pēd-ant-i* — форма от ср. р. *peda-* 'место').

— существуют и другие способы «анимировать» имена общего рода, когда они выступают агенсами при переходном или активном непереходном глаголе, а именно — прибавление к основе флексий общего рода, т. е. та же модель, но без дополнительного суффикса *-ant-* (этот метод статистически встречается очень редко при абсолютном доминировании форм на *-ant-* в указанной функции). Пример: *šanezzi-š*₁ *waršula-š*₂^{GIS} *ERIN-anza*₃ *i-anza*₄ ... '(Пусть) сладкий₁ запах₂, кедр₃ (и) масло₄ (призовут тебя!)', здесь три существительных среднего рода стоят в позиции агента, для двух из них используется «эргативная» форма (^{GIS}*ERIN-anza*, *i-anza*), а для ср. р. *waršul* 'запах' используется форма *waršula-š*, которая формально представляет собой номинатив единственного числа общего рода от *a*-основы общего рода ***waršula-* (с согласованием по общему роду с прилагательным *šanezzi-*). Этот же метод может быть задействован, когда имя среднего рода стоит в позиции прямого объекта: ... *iyant-an*₁ *kinu-n*₂ ... '(Мы будем искать) ходячее₁ колено₂ (и видящий глаз)', где *kinu-n* — форма аккузатива единственного числа общего рода от основы среднего рода *kenu* 'колено' (согласованная по общему роду с *iy-ant-* — причастием от активного непереходного глагола *iy-* 'идти').

Имеющийся материал заставляет делать заключение, во-первых, не только о расщепленной эргативности, но и о расщепленной активности (которая или сохраняется реликтово, или, напротив, находится на начальной стадии формирования), и, во-вторых, что не морфема *-ant-* является в таких формах носителем грамматического значения (хотя этот показатель уже фактически грамматикализовался). Об еще одном возможном указании на следы активности, сохранившиеся в древнехеттском, но исчезнувшие в позднем языке, см. комментарий к энклитическому местоимению 3-го лица *-aš* в 2.4.0.

У имен собственных иноязычного происхождения — топонимов, антропонимов — часто используется чистая (неоформленная) основа во всех падежах. Так как речь идет о специфической группе заимствованной лексики, нет оснований постулировать для Х.я. особый «casus absolutus» (и видеть в нем праиндоевропейский архаизм, вопреки некоторым авторам). Пример неоформленной основы:

- (10) nu ^{HUR.SAG}Za-li-nu-ú *ḥé-i-ú-un* ú-e-ik-ta
 nu ^{HUR.SAG}Zalinū-∅ *ḥeiū-n* wēk-ta
 и гора.Цалину-д/л.ЕД дождь-АКК.ЕД просить-ПРОШ.ЗЕД
 'И он попросил дождь у горы (= детерминатив ^{HUR.SAG}) (под названием) Цалину'.

2.3.5. Категория з а л о г а имеет следующие значения:

- актив, который выражается флексией;
- междометий (традиционно: медиопассив), выражаемый флексией и/или местоимением -(z)za (в последнем случае предикат имеет активные флексии); в засвидетельствованном Х.я. семантика медиального набора лично-числовых окончаний весьма размыта, с этими окончаниями зафиксированы самые различные типы глаголов: переходные, стативные непереходные, активные непереходные, реципрокальные, рефлексивы, глаголы с пассивным значением и т. д.;
- рефлексив, выражаемый неизменяемым местоимением -(z)za/-z 'себя, себе' (в древнем языке существуют варианты -zza и -z, правила распределения не ясны, в позднем языке уверенно побеждает вариант -za с одиночным согласным);
- пассив, обычно выражаемый аналитически (согласуемое причастие смыслового глагола + личная форма eš- 'быть'), а реже — медиальными флексиями;
- каузатив, выражаемый продуктивным суффиксом -ti- (*mete-ti-* 'заставлять говорить' от *mete-* 'говорить'; хотя в ряде случаев -ti- никак не меняет значение глагола: *raḥš(a)-ti-* 'охранять' от *raḥš-* 'охранять') и непродуктивным инфиксом -nin-, см. 2.5.2.

Пример на аналитический пассив:

- (11) ku-i-e-eš URU^{DIDLI.HI.A}.BĀD ú-e-da-an-te-eš e-še-ir
 kui-eš URUDIDLI.HI.A.BĀD
 который-НОМ.МН.ОБЩ укрепленный.город.НОМ.МН.ОБЩ
 wed-ant-eš eš-er
 строить-ПРИЧ-НОМ.МН.ОБЩ быть-ПРОШ.ЗМН
 '(вражеское племя касков уничтожило) укрепленные города, которые были построенные'.

Категория в р е м е н и имеет следующие значения:

- настоящее-будущее (для краткости: настоящее или презенс), выражаемое одним набором лично-числовых показателей;
- прошедшее (претерит), выражаемое другим набором лично-числовых показателей (хотя часто для выражения семантики претерита используются и формы презенса, см. пример в 2.3.6.).

Отдельных показателей для будущего времени нет (предположение об аналитическом выражении будущего представляется неудачным).

В категории в и д а следующие значения имеют формальные приметы:

- имперфектив/дуратив/итератив/мультиплектив, выражаемый частотным суффиксом -ške- или непродуктивными суффиксами -atta- и -šša-, а также весьма редко редупликацией. В лексикографической традиции Х.я. ške-основы принято рассматривать в парадигме производящего глагола, а -atta- и -šša-основы — как отдельные лексемы (такая непоследовательность спровоцирована исключительной продуктивностью -ške-);
- инхоатив, выражаемый через аналитические конструкции супин смыслового глагола + личная форма *tai-* 'класть' или *tiya-* 'ступать' (см. 2.3.7.);

— сюда же можно отнести аналитические конструкции, которые традиционно называют перфектом и плюсквамперфектом. Перфект представляет собой причастие (суффикс *-ant-*) смыслового глагола в номинативе + личная форма през. *har(k)-* ‘держать’ или *eš-* ‘быть’ (о распределении глаголов по этим двум типам образования перфекта см. комментарий к местоимению *-aš* в 2.4.0.). В случае вспомогательного глагола *har(k)-* причастие выступает в застывшей форме ном.-акк. ед. ч. ср. р. *-an*; при вспомогательном глаголе *eš-* причастие полноценно согласуется с субъектом по роду и числу, однако, видимо, во всех известных примерах личная форма *eš-* опущена (по общему правилу, формы презенса бытийного глагола *eš-* обычно опускаются). Плюсквамперфект образуется полностью аналогично перфекту, но вспомогательный глагол стоит в претерите. Семантические нюансы этих конструкций не вполне ясны. Часто они действительно выражают законченное действие, хотя отмечается, например, и стативные употребления. Пример на перфект с *har(k)-*:

- (12) nu-wa-aš-ma-aš am-mu-uk tar-aḥ-ḥa-an ḥar-te-ni ^dUTU-ŠI-ma-wa-za Ú-UL tar-aḥ-te-ni
 nu=wa=šmaš ammu-uk tar^aḥḥ-an-∅ har-teni
 и=мол=вы.АКК/Д/Л я.АКК побеждать-ПРИЧ-НОМ/АКК.ЕД.СР держать-НАСТ.2МН
^dUTU-ŠI=ma=wa=za UL tar^aḥ-teni
 Его.величество.АКК=же=мол=РЕФЛ не побеждать-НАСТ.2.МН
 ‘И меня, мол, вы победили (букв. ‘победили себе’), но Его величество вы не победите (букв. ‘не победите себе’).

Категория н а к л о н е н и я имеет следующие значения:

- индикатив (выражается флексивно, отдельной серией окончаний);
- императив (выражается флексивно, отдельной серией окончаний); прохихитив (выражается аналитически: полноударная частица *lē* с личными формами, оформленными окончаниями индикатива или, очень редко, императива, примеры см. 2.3.6., 2.5.3.);
- косвенные наклонения (конъюнктив, оптатив и потенциалис) выражаются аналитически сочетанием формы индикатива (обычно презенса) с частицей *tan*. Ирреалис выражается сочетанием формы претерита индикатива с частицей *tan*. О клитическом статусе *tan* см. 2.5.3.

Категория л и ц а (согласование с субъектом): 1-е, 2-е и 3-е лицо, выражается флексивно.

Категория ч и с л а (согласование с субъектом): единственное, множественное, выражается флексивно. Об особенностях числового согласования с субъектом множественного числа среднего рода см. 2.3.2.

Об отрицанием см. 2.3.6.

П е р е х о д н о с т ь в глаголе не маркируется. Имеются лабильные глаголы, подлежащее (номинатив) у них совпадает в обоих употреблениях, а прямой объект (аккузатив), соответственно, или присутствует, или отсутствует, например, *nai-* ‘повернуть; повернуться’, *park(iya)-* ‘поднимать; подниматься’.

Важной особенностью Х.я. является формальное противопоставление двух типов спряжения. А именно, имеются два набора лично-числовых показателей (флексий), грамматические значения которых попарно идентичны. Эти типы традиционно называются *ti*-спряжение и *hi*-спряжение (по флексии 1-го лица единственного числа презенса активного залога индикативного наклонения). Два набора флексий последовательно различаются в единственном числе активного залога, а в остальных формах

совпадают. Принадлежность глагола к одному из типов спряжения является словарной информацией; каких-либо семантических, синтаксических или фонетических условий выбора между *mi*-набором и *hi*-набором в синхронном Х.я. не прослеживается, однако за многими деривационными суффиксами закреплен тот или иной тип (например, глаголы с имперфективным суффиксом *-ške-* изменяются по *mi*-спряжению, а глаголы с имперфективным суффиксом *-anna-* — по *hi*-спряжению). Некоторые глаголы зафиксированы с флексиями из обоих наборов (например, в позднем языке *mi*-глагол переходит в *hi*-спряжение или наоборот).

В парадигме глагола представлены как финитные формы (согласуемые по лицу с субъектом), так и нефинитные, т. е. именные формы.

Синтетические формы глагольной парадигмы образуются при помощи следующих флексий (знак астериска (*) указывает на окончания никак не засвидетельствованные, но предполагаемые по системным соображениям):

Актив				Медий
		<i>mi</i> -спряжение	<i>hi</i> -спряжение	
Презенс индикатива				
Ед. ч.	1 л.	<i>-mi</i>	<i>-h̥hi</i> (<i>-h̥he</i>) ¹	<i>-h̥ha(r̥i)</i> (<i>-h̥hahari</i>) ^{17,19}
	2 л.	<i>-ši</i> (<i>-ti</i>) ²	<i>-tti</i> (<i>-š-ti</i>) ³	<i>-tta(r̥i)</i> (<i>-ttadi</i>) ^{17,20}
	3 л.	<i>-zzi</i> (<i>-zza</i> , <i>-zze</i>) ^{4,5}	<i>-i</i> (<i>-e</i>) ⁶	<i>-tta(r̥i)</i> , <i>-a(r̥i)</i> ^{17,21}
Мн. ч.	1 л.	<i>-weni</i> , <i>-wani</i> (<i>-meni</i> , <i>-mani</i> ; <i>-uni</i>) ^{7,8,9}		<i>-wašta(r̥i)</i> (<i>-waštadi</i>) ^{17,22}
	2 л.	<i>-tteni</i> , <i>-ttani</i> (<i>-š-teni</i>) ^{3,8}		<i>-ttuma(r̥i)</i> ¹⁷
	3 л.	<i>-anzi</i> (<i>-anza</i> , <i>-enzi</i>) ^{5,10}		<i>-anta(r̥i)</i> ¹⁷
Претерит индикатива				
Ед. ч.	1 л.	<i>-un</i> , <i>-n-un</i> ¹¹	<i>-h̥un</i>	<i>-h̥hat</i> (<i>-h̥hadi</i> , <i>-h̥hahat</i> , <i>-h̥hahadi</i>) ^{18,23}
	2 л.	<i>-š</i> , <i>-tta</i> ¹²	<i>-tta</i> (<i>-t</i> , <i>-š</i> , <i>-š-ta</i>) ^{3,13}	<i>-ttat</i> (<i>-ttadi</i> , <i>-tta</i> , <i>-at</i>) ^{18,24}
	3 л.	<i>-t</i> , <i>-tta</i> ¹⁴	<i>-š</i> (<i>-iš</i> , <i>-aš</i> , <i>-tta</i> , <i>-š-ta</i>) ^{3,15}	<i>-ttat</i> , <i>-adi</i> (<i>-ttadi</i> , <i>-at</i> , <i>-tta</i>) ^{18,25}
Мн. ч.	1 л.		<i>-wen</i> (<i>-men</i>) ⁷	<i>-waštat</i> (<i>-waštadi</i>) ^{18,26}
	2 л.		<i>-tten</i> (<i>-š-ten</i>) ³	<i>-ttumat</i> (* <i>-ttumadi</i>) ^{18,27}
	3 л.		<i>-er</i> ~ <i>-ir</i> (<i>-ar</i>) ¹⁶	<i>-antadi</i> , <i>-antat</i> ^{18,28}
Императив				
Ед. ч.	1 л.	<i>-(a)llu</i> , <i>-lit</i> (<i>-lut</i>) ²⁹		<i>-h̥haru</i> (<i>-h̥haharu</i>) ³¹
	2 л.	<i>-θ</i> (<i>-i</i>), <i>-t</i> ³⁰		<i>-h̥lut</i> (<i>-h̥hudi</i>) ¹⁸
	3 л.	<i>-ttu</i>	<i>-u</i>	<i>-ttaru</i> , <i>-aru</i> ³²
Мн. ч.	1 л.		<i>-weni</i> , <i>-wani</i> (* <i>-meni</i> , * <i>-mani</i>) ^{7,8}	<i>-waštadi</i> ¹⁸
	2 л.		<i>-tten</i>	<i>-ttumat</i> (<i>-ttumadi</i>) ¹⁸
	3 л.		<i>-antu</i>	<i>-antaru</i>

П р и м е ч а н и я:

А к т и в: презенс и претерит.

1. Стандартная флексия 1 л. ед. ч. презенса *hi*-спряжения *-h̥hi*. В древнем языке частотно написание через знак *НЕ* (*iš-ta-a-ap-hé* = *ištāp-he* 'я закрываю' вместо более позднего *iš-ta-a-ap-hi* = *ištāp-hi*); непонятно, фиксирует ли знак *НЕ* фонетику или же отражает еще не закрепившийся орфографический узус.

2. Во 2-м лице ед. ч. презенса у *š*-основ *mi*-спряжения в позднем языке может появляться флексия *-ti* вместо *-ši*: *e-eš-ši* = *ēš-ši* 'ты есть' (<*eš-* 'быть') и *i-da-la-u-e-eš-ti* = *idalawēš-ti* 'ты становишься плохим' (<*idalawēš-* 'становиться плохим').

3. У *hi*-глаголов с основами на гласный перед флексиями, начинающимися с дентального, может появляться «сигматический» элемент *-s-*, т. е. 2 л. ед. ч. през. *-š-ti* вместо стандартного *-tti*, 2 л. мн. ч. през. *-š-teni* вместо стандартного *-tteni*, 2 л. мн. ч. прет. *-š-ten* вместо стандартного *-tten*, а также 2-3 л. ед. ч. прет. *-š-ta* вместо стандартных *-tta*, *-š*. Например, *me-mi-iš-te-ni* = *memi-š-teni* — *me-ma-at-te-ni* = *meta-tteni* 'вы говорите' (<*meta-* 'говорить'), *pí-eš-ta* = *pe-š-ta* — *pa-it-ta* = *pai-tta* 'ты дал', *pí-eš-ta* = *pe-š-ta* — *pa-iš* = *pai-š* 'он дал' (<*pai-* 'давать'). Частотность «сигматических» форм повышается в позднем языке (особенно у основ вида *Cai-*), но, в принципе, они известны и из древнехеттского корпуса: *da-iš-te-en* = *tai-š-ten* 'вы положили' (<*tai-* 'класть'). Есть этимологические основания считать, что элемент *-š-* в *hi*-спряжении является архаизмом.

4. Формы 3-го лица ед. ч. презенса *mi*-спряжения: в интервокале (т. е. у основ на гласные), особенно в позднем языке, не так редко фиксируются и написания с одиночным согласным *-CV-zi*: *pí-ħu-te-iz-zi* = *pilħude-zzi* — *pí-ħu-te-zi* = *pilħude-zi* <*peħlude-* 'уводить').

5. Изредка в древнем языке встречается написание флексий 1-го лица ед. ч. презенса *mi*-спряжения и 3-го лица мн. ч. презенса через знак *-ZA*: *e-eš-za* = *ēš-za* 'он есть' вместо регулярного *e-eš-zi* = *ēš-zi* <*eš-* или *ša-ku-wa-an-za* = *šaguw-anza* 'они подвергнут определенному наказанию' вместо регулярного *ša-ku-wa-an-zi* = *šagawa-nzi* <*šagawaye-*), не вполне ясно, как это интерпретировать фонетически и этимологически. Видимо, надежные случаи флексии 3-го л. ед. ч. *-za* фиксируются только у консонантных основ.

6. Написания флексии 3-го лица ед. ч. презенса *hi*-спряжения через знаки серии Е очень редки (но отмечены и в древнехеттском).

7. Формы флексий 1-го лица мн. ч. презенса и 1-го лица мн. ч. претерита с *-m-* (1 л. мн. ч. през. *-meni*, *-mani*, 1 л. мн. ч. прет. *-men*; императивные формы, где ожидались бы флексии с *-m-* не отмечены) регулярны при основах на *u-*, см. 2.1.3. Однако уже в древнехеттском вторично выделившиеся флексии *-umeni*, *-imen* проникли в парадигму *hi*-глаголов с основой на *-a-* (*pēd-umeni* 'мы уносим' <*peda-*), где стали регулярными (эти же глаголы имеют формы с *-im-* в герундии и инфинитиве).

8. Формы флексий 1-го–2-го лица мн. ч. презенса и 1-го лица мн. ч. императива с огласовкой *-a-* (1 л. мн. ч. през. и 1 л. мн. ч. имп. *-wani*, *-mani*; 2 л. мн. ч. през. *-ttni*) встречаются реже, чем формы с *-e-* (1 л. мн. ч. през. и 1 л. мн. ч. имп. *-weni*, *-meni*; 2 л. мн. ч. през. *-tteni*), и характерны для древне- и среднехеттского; распределение между флексиями с *-e-* и *-a-* не ясно (уже в древнехеттском отдельные глаголы фиксируются с флексиями обоих типов).

9. Странутая флексия 1-го лица мн. ч. през. *-uni* изредка встречается в средне- и новохеттских текстах: *SIG₅-ah-ħu-ni* = *SIG₅-ahħ-uni* 'мы исправляем' <*SIG₅-ahħ-* (**lazziyahħ-*).

10. Странутая флексия 3-го л. мн. ч. през. *-enzi* отмечается редко, в основном в глаголах с основой на суффиксальное *-aye-* (*-ai-*).

11. Общее правило распределения флексий 1-го лица ед. ч. претерита *mi*-спряжения таково: *-un* у основ на согласные, *-iun* у основ на гласные (исключение, допускающее разные морфонологические интерпретации: *ra-a-un* = *pāiun* 'я пошел' от *pai-* 'идти').

12. Во 2-м лице ед. ч. претерита *mi*-спряжения гласные основы сохраняют флексию *-š*, а флексия консонантных основ обычно записывается через знак *-TA*, что является экспанссией окончания 3-го лица ед. ч. (см. ниже о различных возможностях фонетической трактовки такой орфографии). В позднем языке и вокалические основы могут получать флексию *-t*.

13. Возможно, исходным окончанием 2-го лица ед. ч. претерита в *hi*-спряжении являлось *-tta*. Вариант *-š* перенесен из 3-го лица ед. ч. Для *-aye*-основ характерна флексия *-t* (*hal-za-it* = *halzai-t* 'ты воскликнул' < *halzaye*-), вероятно, это примета позднего языка.

14. Стандартное распределение флексий 3-го лица ед. ч. претерита *ti*-спряжения таково: у основ на гласные выписывается знак *-VT* (*ták-ka-li-it* = *takkali-t* 'он окружил' < *takkaliya*-), у снов на согласные выписывается знак *-TA* (*hu-e-ik-ta* = *huēk-ta* 'он заколол' < *hueg*-). Возможно, в обоих случаях фонетически флексия выглядела как *-t* (что хорошо согласуется с индоевропейской реконструкцией), а написание через *-TA* — вынужденная мера при передаче интервокального кластера. Против такого анализа говорит несколько групп фактов. Во-первых, у основ на сонанты, в частности у *n*-основ, не происходит ожидаемого упрощения *{-nt}* > *{-n}* (ср. 2.1.3.), например, *ku-en-ta* = *kuen-ta* 'он убил' < *kuen*-, — эти формы можно объяснять как восстановление флексии по аналогии со стандартной парадигмой. Во-вторых, у основ на огубленный велярный также выписывается *-TA* (точнее говоря, *-UT-TA* с удвоенным согласным), хотя написание одиночного *-UT* не противоречило бы хеттской орфографии, например, *e-ku-ut-ta* = *egu-tta* 'он выпил' < *egu-* {*ekʷ-*}; при флексии *-t* ожидаемое написание было бы ***e-ku-ut*. В третьих, в позднем языке формы с *-TA* как будто обнаруживаются и у основ на гласные, хотя обычно грамматическая интерпретация таких форм не до конца ясна.

15. Базовое окончание 3-го лица ед. ч. претерита *hi*-спряжения — *-š* (у консонантных основ вариант *-aš* или *-iš*). У основ на *-š*- флексия *-ta*: *ha-a-aš-ta* = *ḥāš-ta* 'она родила' < *haš*-.

16. У основ на *-iya*- очень редко встречается флексия 3-го л. мн. ч. прет. *-ar* (хотя уже в среднехеттских текстах).

М е д и й: презенс и претерит.

17. Установить какое-либо семантическое или формальное различие между презентными медиальными флексиями с *-ri* и без *-ri* не удается. В древнехеттском языке варианты с *-ri* редки, но их роль значительно усиливается в среднехеттском и особенно в новохеттском. Т. е. *-ri* постепенно начал функционировать (и стал восприниматься носителями?) как агглютинативный показатель медиального презенса.

18. Установить какое-либо семантическое или формальное различие в претерите и императиве между медиальными флексиями с *-i* и без *-i* не удается. Для древнехеттского периода флексии с *-i* характерны в 3-м лице ед. ч. претерита (*-adi*) и 3-м лице мн. ч. претерита (*-antadi*). Видимо, из 3-го лица формы с *-i* начали распространяться по всей парадигме, и выделившийся таким образом вторичный морф *-di* начал функционировать (и стал восприниматься носителями?) как агглютинативный показатель медиального претерита и императива.

19. Флексия 1 л. ед. ч. през. *-ḥhaḥari* редкая и поздняя.

20. Флексия 2 л. ед. ч. през. *-ttadi* поздняя.

21. Установить какое-либо распределение между флексиями 3 л. ед. ч. през. *-tta(ri)* и *-a(ri)* не удается (ср. схожую ситуацию с флексиями 3 л. ед. ч. имп. мед. зал. *-ttaru* и *-aru*). Обе флексии отмечены уже в древнехеттском. У ряда глаголов наблюдаются параллельные формы с обоими окончаниями (в том числе и в древнехеттском: *hi-in-ga* = *ḥink-a* — *ḥé-ik-ta* = *ḥek-ta* 'он кланяется' < *henk*-). У многочисленных имперфективных глаголов с суффиксом *-ške-* всегда (или почти всегда) флексия *-tta(ri)*.

22. Флексия 1 л. мн. ч. през. *-waštadi* поздняя (новохеттская) по аналогии с претеритом.

23. Самая частотная (и в древнехеттском единственная) флексия 1 л. ед. ч. прет. *-ḥhat*. Вариант *-ḥhadi* фиксируется реже и позднее. В поздних текстах достаточно частотен вариант *-ḥhaḥat* (а вторичный *-ḥhaḥadi* совсем редок).

24. Самая частотная (и в древнехеттском единственная) флексия 2 л. ед. ч. прош. вр. *-ttat*. Варианты *-ttadi*, *-tta*, *-at* появляются позднее. В виду общей редкости данной грамматической формы выявить какие-либо тенденции не удается.

25. Самая частотная флексия 3 л. ед. ч. прет. *-ttat*, также частотна флексия *-adi*. Оба окончания *-ttat* и *-adi* отмечаются уже в древнехеттском корпусе. В поздних текстах достаточно часто встречается флексия *-ttadi*, а также редкие *-at* и *-tta*. Выявить какое-либо распределение не удается.

26. Архаичная флексия 1 л. мн. ч. прет. *-waštat* (со среднехеттского), в новохеттском распространяется вариант *-waštadi*.

27. Ожидаемая инновационная флексия 2 л. мн. ч. прет. **-ttumadi* (как замена *-ttumat*) не отмечена по причине редкости данной грамматической формы.

28. Обе флексии 3 л. мн. ч. прет. *-antadi* и *-antat* — частотны, но в древнехеттском корпусе отмечена только *-antadi*, а *-antat* фиксируется, начиная со среднехеттского.

И м п е р а т и в.

29. Стандартная флексия 1 л. ед. ч. акт. зал. *-(a)llu* (со среднехеттского). Флексии *-lit* и *-lut* отмечены только у глагола *eš*- 'быть' параллельно со стандартным окончанием, причем *-lit* архаична, она фиксируется в древнехеттском и среднехеттском (других примеров на 1-е лицо ед. ч. императива активного залога в древнехеттском корпусе нет): *e-eš-li-it* = *ēš-lit*, *e-eš-lu-ut* = *ēš-lut*, *a-sa-al-lu* = *aš-allu* 'пусть я буду!'. Внутренняя реконструкция предполагает, что прахеттским окончанием было *-lit* (сохраняющееся в бытийном глаголе), а победивший вариант *-(a)llu* — результат контаминации с более частотной флексиями 3 л. ед. ч. *-tu*, *-u*; новохеттское окончание *-lut* у бытийного глагола — результат последующей контаминации *-lit* и *-(a)llu*. Однако, если соответствующее лувийское окончание *-lu* действительно существует, сценарий должен быть иным.

30. В стандартном случае во 2-м лице ед. ч. активного залога представлена чистая основа. Флексия *-i* характерна в основном для основ на консонантный кластер: *ra-aḥ-ši* = *raḥš-i* 'охраняй!' <*raḥš-*>. Флексия *-t* регулярна у основ с каузативным суффиксом *-ni-* и в архаичном глаголе *iya-* 'идти' (*i-it* = *ī-t* 'иди!').

31. Флексия 1 л. ед. ч. мед. зал. *-h̥aḥarū*, видимо, более поздняя.

32. Установить какое-либо распределение между флексиями 3 л. ед. ч. мед. зал. *-ttaru* и *-aru* не удается (ср. схожую ситуацию с флексиями 3 л. ед. ч. през. мед. зал. *-ttari*, *-ari*). Обе флексии отмечены уже в древнехеттском.

Н е ф и н и т ы е (именные) ф о р м ы в парадигме глагола:

- причастие, суффикс *-ant-*;
- герундий, который употребляется в форме номинатива-аккузатива (суффиксы *-war/-umtar* и *-adar*) и генитива (суффиксы *-waš/-umaš* и *-annaš*);
- инфинитив, суффиксы *-wanzl/-umanzi* и *-anna*;
- супин, суффикс *-wan*.

Подробнее об образовании и употреблении нефинитных форм глагола см. 2.3.7.

2.3.6. Формально почти все хеттские м е с т о и м е н и я являются прилагательными, т. е. они обладают словоизменительными категориями числа, падежа и рода.

Л и ч н ы е местоимения имеются для трех лиц. Для 1-го и 2-го лица существует по два набора форм: полноударная парадигма *ūk* 'я', *zik* 'ты', *weš* 'мы', *šum(m)eš* 'вы' и энклитическая парадигма (энклитическая парадигма дефектна). Для 3-го лица используется полноударное местоимение *aba-* 'тот', а также собственный энклитический набор форм (дефектный). Особенностью личных местоимений 1-го и 2-го лица, отли-

чающей их от прочих местоимений, является отсутствие у них противопоставления по роду. Клюзивность отсутствует.

Притяжательные местоимения представлены для всех трех лиц. Употребляются энклитически после полноударного обладаемого, с которым согласуются по числу, падежу и роду (подобно прилагательным). Также в системе притяжательных местоимений есть противопоставление по числу посессора ('мой' — 'наш' и т. д.), но нет противопоставления по роду посессора.

Указательно-анафорические местоимения. Для Х.я. иногда формулируют тернарную систему: *ka-* 'этот (относящийся к говорящему)' — *aba-* 'тот/этот (относящийся к слушающему)' — *as̩i* 'тот (относящийся к третьему лицу)'. Однако в реально зафиксированном Х.я. оппозиция является скорее бинарной: *ka-* 'этот' — *aba-* 'тот', а словоформы третьего члена системы статистически весьма редки в текстах. Лексемы *aba-* и редко *ka-* могут также функционировать как личное местоимение 3-го лица.

Вопросительно-относительное местоимение *kui-* 'кто?', 'что?', 'который' изменяется по роду, числу и падежу (парадигма схожа с указательно-анафорическими местоимениями). От этой же основы образуется большая часть остальных вопросительных местоимений (*kuwat*, *kuit* 'зачем?', 'почему?', *kuwapi* 'где?', 'когда?', *kuez* 'откуда?'); спр. также *taħħan*, *mān* 'как?'.

Неопределенное местоимение 'кто-нибудь, что-нибудь' образуется прибавлением энклитики *-kki/-kka* к морфологически оформленной форме вопросительно-относительного местоимения *kui-*, например, дат.-лок. ед. ч. *kuedani-kki* 'в каком-нибудь'.

Дистрибутивное местоимение 'каждый' образуется прибавлением энклитики *-ya* 'и' к морфологически оформленной форме вопросительно-относительного местоимения *kui-*, например, акк. ед. ч. общ. р. *kuitt-a* < акк. ед. ч. общ. р. *kuin* + *-ya*, о сандхи Су > С; см. 2.1.3.).

Отрицательные местоимения образуются аналитически при помощи частицы отрицания *natta* и неопределенных местоимений, например, *natta kui-š=ki* 'никто').

Возвратное местоимение — энклитика *-(z)za* (в древнем языке с вариантом *-z*).

Прочие местоимения: склоняемое *kui-š + -a* 'кто бы ни', *tamai-* 'другой', *humant-* 'весь (ед. ч.)', все (мн. ч.), 'каждый', *tabiya-* 'весь (ед. ч.), 'целый' и др.

Имеется эмфатизирующая энклитика *-ila ~ -el* 'сам', присоединяющаяся к склоняемой личной местоименной форме: *ug-ila* 'я сам', *šumāš-ila* 'вы сами' и т. д.

Хеттский глагол демонстрирует одноличное (субъектное) спряжение, согласуясь с субъектом по лицу и числу (выражается флексивно):

(13) a-iš EME-aš ga-ga-aš šu-me-eš az-zi-ki-te-en

<i>aiš-0</i>	ЕМЕ- <i>a-š</i>	<i>kaga-š</i>
рот-НОМ/АКК.ЕД/МН.СР	язык (ЕМЕ- <i>a</i>)-НОМ.ЕД.ОБЩ	зуб-НОМ.ЕД.ОБЩ
<i>šumeš</i>	<i>azzigi-t<t>en</i>	
вы.НОМ.МН	есть-ИМП.2МН	

'О рот, язык (и) зуб, ешьте!'

Однако, если множественный субъект выражен именем (или именами) среднего рода, то глагольный предикат используется в единственном числе (это касается непереходных глаголов; в случае переходного глагола предикат используется во множественном числе, а субъект среднего рода оформляется суффиксом *-ant-* и флексиями общего рода, см. 2.3.4.):

- (14) al-wa-an-za-tar-še-it i-da-a-lu ud-da-a-ar-še-it *QA-TAM-MA* ḥar-ak-du
alwanzadar-Ø=šet *idālu-Ø*
 колдовство-НОМ/АКК.ЕД/МН.СР=ПРИТЖ.З.НОМ/АКК.ЕД/МН.СР злой-НОМ/АКК.ЕД/МН.СР
uttār-Ø *=šet* *QATAMMA*
 слово.МН-НОМ/АКК.ЕД/МН.СР =ПРИТЖ.З.НОМ/АКК.ЕД/МН.СР так же
ḥar^ak-tu
 погибать-ИМП.ЗЕД
 'Пусть погибнут таким же образом ее колдовство (и) ее злые слова!'

В функции неопределённо-личной употребляется форма 3-го лица множественного числа. Безличные глаголы редки — в норме при обозначении атмосферных явлений субъектами выступают соответствующие боги (бог Грозы — при грозе и т. п.).

В Х.я. достаточно развита система модальных и видовых отрицаний ица и ани. Все отрицания выражаются аналитически посредством специальных частиц. Обычное отрицание утверждения образуется частицей *natta* — как при глаголе, так и при имени (*natta* часто записывается аккадограммой *UL*). Прохибитив выражается сочетанием формы индикатива презенса (очень редко — императива) с частицей *lē*. Отрицательный оптатив говорящего выражается сочетанием частиц *le* и *tan* с глагольной формой индикатива; отрицательный оптатив субъекта фразы выражается сочетанием частицы *nutan/nuwan* с глагольной формой индикатива (утвердительный оптатив как говорящего, так и субъекта фразы выражается сочетанием глагольной формы индикатива с частицей *tan*, см. выше). Существует специальное отрицание для риторических вопросов (частица *nekku* + глагольная форма индикатива) и специальное отрицание для глагольных форм, выражающих предшествование 'еще не' (частица *nawi* + глагольная форма индикатива).

Отрицание (*natta*) относится к глагольному предикату:

- (15) iš-pa-an-ti-mu-uš-ša-an ša-a-š-ti-mi ša-a-ne-iz-zí-iš te-eš-ḥa-aš na-at-ta e-ip-zi
išrant-i=mu=ššan *šašt-i=m-i*
 ночь-Д/Л.ЕД=я.АКК/Д/Л=ЛОК.ЧАСТ кровать-Д/Л.ЕД=мой-Д/Л
šānezzi-š *tešḥa-š* *natta* *ēp-zi*
 сладкий-НОМ.ЕД.ОБЩ сон-НОМ.ЕД.ОБЩ не хватать-НАСТ.ЗЕД
 'Ночью сладкий сон не охватывает меня в моей постели'.

Отрицание (*natta*) относится к именному объекту:

- (16) na-at-ta a-pu-u-un GESTIN-an pí-i-e-ir
natta *ab-ūn* GESTIN-*a-n* *pí-ēr*
 не тот-АКК.ЕД.ОБЩ вино(GESTIN-*a*)-АКК.ЕД.ОБЩ давать-ПРОШ.ЗМН
 'Они подали не то вино'.

Прохибитив с отрицанием *lē*:

- (17) li-e-mu gi-en-zu-wa-i-ši
lē=mi *kenzuwai-ši*
 не=я.АКК/Д/Л быть.милосердным-НАСТ.2.ЕД
 'Не щади меня!'

Отрицательный оптатив субъекта с отрицанием *n̄man*:

- (18) EGIR-pa-ma-aš-ša-an URU-ya ša-an-na-pí-liš nu-u-ma-an pa-iz-zi
 EGIR-pa=ma=ššan URU-y-a šannabili-š
 назад=же=ЛОК.ЧАСТ город(URU-y)-Д/Л.ЕД порожний-НОМ.ЕД.ОБЩ
 n̄man rai-zzi
 не идти-НАСТ.ЗЕД
 'Но он (= охотник) не хотел (настоящее в значении прошедшего) возвращаться в город с пустыми руками'.

2.3.7. С формальной точки зрения в Х.я. выделяются следующие части речи: существительное (семантические категории — число (см. 2.3.3., 2.3.4.), падеж (2.3.4.)), прилагательное (семантические категории — род, число, падеж (см. 2.3.3. и 2.3.4.)), глагол (семантические категории — залог, наклонение, время, лицо, число (см. 2.3.5.)), неизменяемые (см. ниже).

При такой классификации местоимения являются или прилагательными, или существительными (при этом местоимения имеют некоторые особые флексии, отличающиеся от именных).

Степени сравнения прилагательных выражаются аналитически (в текстах эти конструкции фиксируются весьма редко). Сравнительная степень: прилагательное или наречие + объект сравнения, стоящий в дативе-локативе единственного числа:

- (19) *A-NA LUGAL KUR* ^{URU,d}U-ta-aš-ša-kán 1-aš ^{LÚ}tu-u-ħu-kán-ti-iš šal-li-iš e-eš-du
 ANA LUGAL KUR ^{URU,d}U-tašša-∅=gan
 царь-Д/Л.ЕД(ANA) страна.ГЕН.ЕД город.Тархунтасса-ГЕН.ЕД=ЛОК.ЧАСТИЦА
 1-aš ^{LÚ}tūħuganti-š šalli-š ēš-tu
 один-НОМ.ЕД.ОБЩ насл.принц-НОМ.ЕД.ОБЩ большой-НОМ.ЕД.ОБЩ быть-ИМП.ЗЕД
 'Пусть только наследный принц будет могущественнее царя страны города Тархунтасса!'

Превосходная степень: прилагательное или наречие + объект сравнения, стоящий в дативе-локативе множественного числа (или в единственном числе при собирательных существительных) и факультативно усиленный согласованным прилагательным *ħumant-* 'весь, все' (т. е. дат.-лок. мн. ч. *ħumant-aš* 'всех') и/или послелогом *ištarna* 'среди':

- (20) nu DINGIR^{MEŠ}-na-aš ħu-u-ma-an-da-aš ſA ^{URU}Ka-aš-ta-ma ^dZa-aš-ħa-pu-na-a-aš ša-al-li-iš
 nu DINGIR^{MEŠ}-n-aš ħumant-aš ſA ^{URU}Kaštama-∅
 и бог(DINGIR^{MEŠ}-n-)-Д/Л.МН весь-Д/Л.МН город.Кастама-ГЕН(ſA)
^dZašhabunā-š šalli-š
 богиня.Цасхабуна-НОМ.ЕД.ОБЩ большой-НОМ.ЕД.ОБЩ
 'И богиня Цасхабуна наиболее могущественна из всех божеств города Кастама'.

Количественные числительные (см. 2.3.3.) формально являются существительными, порядковое *ħantezzi*- 'первый' — прилагательным, а *tān* 'второй' — неизменяемым. Остальные порядковые числительные неизвестны).

Нейтинитные (именные) формы глагола — это причастие, герундий (употребляется в форме номинатива-аккузатива и генитива), инфинитив, супин. Все они образуются суффиксально. По выбору суффикса герундия и инфинитива

глаголы делятся на два класса. Класс 1 более многочисленный, в него входят глаголы, не попавшие в класс 2. В класс 2 попадают все глаголы *mi*-спряжения, у которых основа односложна и имеет вокалическое чередование в финитных формах (например, *epp-/app-* 'хватать'), а также несколько односложных глаголов *mi-* и *hi*-глаголов, не имеющих вокалического чередования (задаются списочно). В позднем языке у некоторых глаголов фиксируются спорадические формы с показателями чужого класса.

Глаголы	Причастие	Герундий		Инфинитив	Супин
		ном.-акк.	генитив		
Класс 1	<i>-ant-</i>	<i>-war</i> (- <i>umar</i>)	<i>-waš</i> (- <i>umaš</i>)	<i>-wanzi</i> (- <i>umanzi</i>)	<i>-wan</i> (*- <i>uman</i>)
Класс 2		<i>-adar</i>	<i>-annaš</i>	<i>-anna</i>	

Причастие склоняется как стандартное прилагательное. Оно имеет пассивное значение от переходных глаголов и активное от непереходных (редко наблюдается употребление причастий в активном значении от переходных глаголов — *parā ḥanta-nt-* 'правильно направляющий' и 'правильно направляемый' <*ḥantaye-* 'упорядочивать' + наречие *parā*). Формы генитива на *-aš* в абсолютном употреблении имеют функцию деепричастия: *ar-ant-aš* 'стоя', *aš-ant-aš* 'сидя'.

Герундий представляет собой обозначение действия. В номинативе-аккузативе (суффиксы *-war*, *-umar*, *-adar*) может употребляться как субъект или объект фразы. В генитиве (суффиксы *-waš*, *-umaš*, *-annaš*) — как посессор в именной группе и т. п.

Инфинитив (т. е. аблатив и аллатив герундия; суффиксы *-wanzi*, *-umanzi*, *-anna*) обычно используется для выражения цели (конечно, терминологически правильно было бы называть супином именно эти глагольные формы), например:

- (21) nu-uš-še GEŠTIN-an a-ku-wa-an-na pi-an-zi
 nu=šše GEŠTIN-a-n agiw-anna pi-anzi
 и=он.д/л.ед вино(GEŠTIN-a)-АКК.ед пить-ИНФ давать-НАСТ.3МН
 'И они дают ему (= царю) вино, чтобы он выпил'.

Герундий и инфинитив этимологически представляют собой различные падежные формы от двух отглагольных существительных среднего рода, образованных гетероклитическими суффиксами. От глаголов класса 1: ном.-акк. ед. ч. *-war*, ген. ед. ч. *-waš* (< **wan-š?*), абл. ед. ч. *-wan-zi*. От глаголов класса 2: ном.-акк. ед. ч. *-adar*, ген. *-annaš* (< **adn-aš*), алл. *-anna* (< **adn-a*). Изредка в текстах встречаются и другие падежные формы данных отглагольных имен.

Формы с *-m-*, приведенные в скобках, изначально характеризовали основы на *-u-* (с развитием *u-w* > *u-m*, см. 2.1.3.), но затем распространились и на некоторые другие глаголы (в частности стали регулярными в парадигме *hi*-глаголов с основой на *-a-*;ср. у этих же глаголов флексии с *-im-* в 1-м лице множественного числа презенса и 1-м лице множественного числа претерита).

Супин (суффикс *-wan*) используется в конструкциях со спрягаемым вспомогательным глаголом (*tai-* 'класть' или *tiya-* 'ступать'), выраждающих индоативную семантику 'начать делать что-либо'. Супин образуется почти исключительно от основ с имперфективным суффиксом *-ške-*:

(22)	^{f.MEŠ} <i>tap-da-ra-aš</i>	^{ú-e-eš-ki-u-wa-an}	^{da-a-i}			
	^{f.MEŠ} <i>taptara-š</i>	^{wē-ški-uwan}		<i>ta-i</i>		
	группа.плакальщиц-НОМ.ЕД.ОБЩ	стенать-ИМПЕРФ-СУП		класть-НАСТ.ЗЕД		
	‘Плакальщицы начинают стенать’.					

Выделяются следующие неизменяемые части речи. **Н а р е ч и я** в Х.я. часто являются застывшими падежно-числовыми формами имен: например, прилагательных/причастий среднего рода номинатива-аккузатива в основном единственного числа (*mekki-* ‘многочисленный’ → *mekki* ‘много, очень’), реже множественного (*mittanta* ‘скрытно’). Пространственные наречия (послелоги, превербы) обычно являются застывшими падежными формами существительных (причем сами производящие существительные часто уже исчезли из языка), например, *šer* ‘сверху’ (номинатив-аккузатив ед. числа в функции локатива от исчезнувшего существительного среднего рода) и *šara* ‘наверх’ (аллатив ед. числа от этой же аблautной основы); *pangarit* ‘большим числом’ — инструменталис от незафиксированного **pangar(a/i)-*. Если во фразе пространственное наречие стоит после имени, выражающего пространственное значение, то такое наречие в хеттологической традиции называют **п о с - л е л о г о м**. Также для не послеложного употребления некоторые исследователи различают **н а р е ч и е** (адверб) и **п р е в е р б**: семантическое отличие наречий и превербов состоит в том, что последние выражают пространственные значения, в то время как наречия — все остальные обстоятельственные. С синтаксической точки зрения отличие превербов от наречий состоит в их несамостоятельности относительно глагола — они составляют одну синтагму и самостоятельно в инверсиях не участвуют. Наречия же могут самостоятельно перемещаться в конечную позицию в предложении (с эмфатической функцией).

С о ю з ы. Сочинительные союзы — фразовый *ti* (в позднем языке окончательно десемантизируется и функционирует фактически как показатель начала предложения), фразовый *ta* (характерен для древнего языка), фразовый *ši* (редок уже в древнехеттском). Эти три союза употребляются в начале предложения. Они образуют фонетическое слово, если во фразе имеются энклитики, которые к ним присоединяются (2.5.3.). Если таковых энклитик нет, то, по крайней мере, союз *ti* в древнехеттском (а, возможно, и во все периоды) проклитически присоединяется в полноударному слову — второму элементу в предложении (это следует из того, что для древнехеттского дуктуса характерно выписывание *ti* без пробела перед следующим полноударным словом, во все периоды *ti* не ставится в конце строки, никогда *ti* не фиксируется с написанием *plene*).

Сочинительным союзом является энклитика *-ua* ‘и’, которая может связывать как фразы (в обычном случае присоединяется к первому полноударному слову во второй фразе, см. 2.5.3.), так и отдельные слова (присоединяется к последнему слову). Противительными фразовыми союзами, а также показателями смены топика являются энклитики *-a* и *-ta*, которые в обычном случае присоединяются к первому полноударному слову во фразе, см. 2.5.3. Другие союзы (полноударные): *našši* ‘или’, *našši...* *našma* ‘или... или’, *tāħħan* ‘когда’, *tān* ‘если’ и т. д. Примеры см. в 2.5.4.

Ч а с т и ц ы: полноударные показатели отрицания (см. 2.3.6.), модальная (оптативная) частица *tan*, локативные частицы *-k(k)an*, *-š(š)an*, *-ašta*, *-aba*, *-an*, показатель прямой речи *-wa(r)*, эмфатическая энклитика *-bat* (присоединяется к выделяемому слову) и др. Примеры с *-bat* и *-wa(r)*:

- (23) na-an a-pí-e-da-ni-pát pí-di ar-ḥa wa-ar-nu-u-wa-an-zi
 n=an ab-ēdani=bat pid-i arḥa warnūw-anzi
 и=он.АКК.ЕД.ОБЩ тот-Д/Л.ЕД=же место-Д/Л.ЕД прочь жечь-НАСТ.ЗМН
 'И его на том же (самом) месте напрочь (= дотла) сжигают'
- (24) ka-a-ša-wa EZEN₄-an i-ya-mi
 kāša=wa EZEN₄-a-n iya-mi
 вот=мол праздник(EZEN₄-a)-АКК.ЕД делать-НАСТ.1ЕД
 'Вот, мол, праздник я устраиваю'.

М е ж д о м е т и я. В прямой речи (особенно в текстах, произносимых при исполнении ритуалов) фиксируется ряд слов, которые можно было бы классифицировать как междометия, однако обычно в них предпочтительнее видеть изолированные грамматические формы, заимствованные из хаттского или лувийского.

Кроме того, имеется ряд отдельных лексем, семантически и синтаксически относящихся к различным изменяемым частеречным классам, но формально не показывающих словоизменения. Например, энклитическая рефлексивная частица *-z(z)a/-z* 'себя, себе' (2.3.5.), порядковое числительное *tān* 'второй' (2.3.3.).

2.4.0. Образцы парадигм.

В нижеприведенных именных и глагольных парадигмах не все формы реально зафиксированы в текстах — часть словоформ достроена по образцу аналогичных лексем (такие формы специально не отмечаются). В скобках даются поздние аналогичные формы. Редкий знак астериска (*) указывает на формы, никак не зафиксированные в данном лексическом типе, но предполагаемые по общим соображениям.

И м я (с у щ е с т в и т е л ь н о е, п р и л а г а т е л ь н о е)

Именная флексия практически едина для всех основ. Ради удобства описания основы обычно разделяют на классы по конечному элементу основы: вокалические основы с исходом на *-a-*, *-i-*, *-u-*, *-ai-*; консонантные с исходом на *-t-*, *-nt-*, *-n-*, *-l-*, *-r-*, *-r/n-*, *-š-*, *-h-*, *-Ø/n-*.

Парадигмы существительного с *a*-основой общего рода *atta-* 'отец' и существительного с *-r/n*-основой (гетероклиза) среднего рода *wadar* 'вода' (эта лексема, кроме всего прочего, показывает и уникальное чередование гласных основы):

Падеж	Ед. число		Мн. число	
	Общ. р.	Ср. р.	Общ. р.	Ср. р.
Ном.	<i>atta-š</i>		<i>att-eš</i>	
Аkk.	<i>atta-n</i>	<i>wādar-Ø</i>	<i>att-uš</i>	<i>widār-Ø</i>
«Эрг.»	—	<i>weden-anza < {-ant-s}</i>	—	<i>widen-ant-eš</i>
Ген.		<i>att-aš,</i> <i>widen-aš</i>		<i>att-an (att-aš),</i> <i>widen-an (widen-aš)</i>
Дат. -лок.		<i>att-i,</i> <i>widen-i</i>		<i>att-aš</i>
Алл.		<i>*att-a,</i> <i>widen-a</i>		<i>widen-aš</i>
Абл.			<i>att-az, widen-az</i>	
Инстр.			<i>att-it, widen-ta</i>	
Вок.	<i>atta-Ø</i>	<i>widen-ant-i</i>	= HOM.	?

Интересной особенностью Х.я. является морфонологическое противопоставление некоторого класса прилагательных остальным именам. А именно, прилагательные с двухсложными основами на *-u-* и *-i-* (за редким исключением) имеют чередование *-u-/aw-* и *-i-/ay-* в парадигме. Прилагательные с многосложными основами на *-u-* и *-i-* (за редким исключением) и существительные с основами на *-u-* и *-i-* (за редким исключением) сохраняют *-u-* и *-i-* в неизменном виде.

Парадигма существительных *ḥuwaši* 'колонна' среднего рода и *wellu-* 'луг' общего рода (в обоих случаях без чередования в исходе основы):

Падеж	Ед. число		Мн. число	
	Общ. р.	Ср. р.	Общ. р.	Ср. р.
Ном.	<i>wellu-š</i>	<i>ḥuwaši-θ</i>	<i>welluw-eš</i>	<i>ḥuwaši-θ</i>
Аkk.	<i>wellu-n</i>		<i>well-uš</i>	
«Эрг.»	—	<i>ḥuwašiy-anza</i> < { <i>-ant-s</i> }	—	<i>ḥuwašiy-ant-eš</i>
Ген.	<i>ḥuwašiy-aš</i> <i>welluw-aš</i>		<i>ḥuwašiy-aš</i> <i>welluw-an</i> (<i>welluw-aš</i>)	
Дат.-лок.	<i>ḥuwašiy-a</i> (<i>ḥuwaši-i</i>) <i>wellu-i</i>		<i>ḥuwašiy-aš</i>	
Алл.	<i>ḥuwašiy-a</i> <i>welluw-a</i>		<i>welluw-aš</i>	
Абл.			<i>ḥuwašiy-az</i> <i>welluw-az</i>	
Инстр.			<i>ḥuwaši-t</i> <i>wellu-it</i>	
Вок.	<i>wellu-θ</i>	—	= HOM.	?

Парадигмы двусложных прилагательных *šalli-* 'большой' и *aššu-* 'хороший' (в обоих случаях чередование в исходе основы):

Падеж	Ед. число		Мн. число	
	Общ. р.	Ср. р.	Общ. р.	Ср. р.
Ном.	<i>šalli-š</i> <i>aššu-š</i>	<i>šalli-θ</i> <i>aššu-θ</i>	<i>šalla-eš</i> < { <i>sal:ay-es</i> } <i>aššaw-eš</i>	<i>šall-a</i> < { <i>sal:ay-a</i> } (<i>šallay-a</i>) <i>aššaw-a</i>
Аkk.	<i>šalli-n</i> <i>aššu-n</i>		<i>šalla-uš</i> < { <i>sal:ay-us</i> } <i>aššam-uš</i> < { <i>as:aw-us</i> }	
«Эрг.»	—	—	—	—
Ген.	<i>šall-aš</i> < { <i>sal:ay-as</i> } (<i>šallay-aš</i>) <i>aššaw-aš</i>			
Дат.-лок.	<i>šalla-i</i> < { <i>sal:ay-i</i> } <i>aššaw-i</i>		<i>šall-aš</i> < { <i>sal:ay-as</i> } (<i>šallay-aš</i>) <i>aššaw-aš</i>	
Алл.	<i>šall-a</i> < { <i>sal:ay-a</i> } <i>aššaw-a</i>			
Абл.		<i>šall-az</i> < { <i>sal:ay-ats</i> } (<i>šallay-az</i>) <i>aššaw-az</i>		
Инстр.			<i>šalli-t</i> <i>aššaw-it</i>	
Вок.	<i>šalli-θ</i> <i>aššu-θ</i>	—	= HOM.	—

Глагол

Ниже приведены парадигмы синтетических форм глаголов *epp-* 'хватать' (консонантная основа, *mi*-спряжение, активный залог; в основе чередование гласных), *tarna-* 'пускать' (*a*-основа, *hi*-спряжение, активный залог), *ar-* 'стоять' (консонантная основа, медиальный залог).

Актив				Медий
		<i>mi</i> -спряжение	<i>hi</i> -спряжение	
Индикатив презенс				
Ед. ч.	1 л.	<i>ēp-mi</i>	<i>tarna-ħħi</i>	<i>ar-ħa(r)i</i>
	2 л.	<i>ēp-ħi</i>	<i>tarna-tti</i>	<i>ar-ta(r)i</i>
	3 л.	<i>ēp-zzi</i>	<i>tarna-i</i>	<i>ar-ta(r)i</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>app-weni</i> <i>tarn-umeni</i>		<i>ar-waħħta(r)i</i>
	2 л.	<i>ap-teni</i> <i>tarna-tteni</i>		<i>ar-tuma(r)i</i>
	3 л.	<i>app-anzi</i> <i>tarn-anzi</i>		<i>ar-anta(r)i</i>
Индикатив претерит				
Ед. ч.	1 л.	<i>ēpp-up</i>	<i>tarna-ħħun</i>	<i>ar-hat</i>
	2 л.	<i>ēp-ta</i>	<i>tarna-ħ</i>	<i>ar-tad(i)</i>
	3 л.	<i>ēp-ta</i>	<i>tarna-ħ</i>	<i>ar-tad(i)</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>ēpp-wen</i> <i>tarn-umen</i>		<i>ar-waħħtat</i>
	2 л.	<i>ēp-ten</i> <i>tarna-tten</i>		<i>ar-tumat</i>
	3 л.	<i>ēpp-ir</i> <i>tarn-er</i>		<i>ar-antad(i)</i>
Императив				
Ед. ч.	1 л.	<i>ēpp-allu</i> <i>tarn-allu</i>		<i>ar-ħaru</i>
	2 л.	<i>ēp</i> <i>tarna</i>		<i>ar-ħut</i>
	3 л.	<i>ēp-tu</i>	<i>tarna-u</i>	<i>ar-taru</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>ēpp-weni</i> <i>*tarn-umen</i>		<i>ar-waħħtadi</i>
	2 л.	<i>ēp-ten</i> <i>tarna-tten</i>		<i>ar-tumad</i>
	3 л.	<i>app-antu</i> <i>tarn-antu</i>		<i>ar-antaru</i>

Глаголы	Причастие	Герундий		Инфинитив	Супин
		НОМ.-АКК.	ГЕНИТИВ		
Класс 1	<i>app-ant-</i> <i>tarn-ant-</i> <i>ar-ant-</i>	<i>tarn-umar</i>	<i>tarn-umaš</i>	<i>tarn-umanzi</i>	<i>app-wan (?)</i>
		<i>ar-war</i>	<i>ar-waš</i>	<i>ar-wanzi</i>	<i>tarn-uman (?)</i>
Класс 2	<i>app-adar</i>	<i>app-annaš</i>		<i>app-anna</i>	<i>ar-wan</i>

М е с т о и м е н и я

Полноударные личные местоимения 1-го и 2-го лица (в скобках даются поздние формы, большинство которых возникло по аналогии)

Падеж	Ед. число		Мн. число	
	1 л.	2 л.	1 л.	2 л.
Ном.	<i>ūk</i> (<i>ammuk</i>)	<i>zik</i>	<i>weš</i> (<i>anzāš</i>)	<i>šum(m)eš</i> (<i>šum(m)āš</i>)
Аkk., дат.-лок.	<i>ammuk</i> (<i>ūk</i>)	<i>tuk</i>	<i>anzāš</i>	<i>šum(m)āš</i> (<i>šum(m)ēš</i>)
Ген.	<i>ammel</i>	<i>tuēl</i>	<i>anel</i>	<i>šum(m)enzan</i> (<i>šumel</i>)
Абл.	<i>ammedaz</i> (<i>ammedaza</i>)	<i>tuēdaz</i> (<i>tuēdaza</i>)	<i>anedaz</i>	<i>šum(m)edaz</i>

Дефектные парадигмы энклитических личных местоимений 1-го и 2-го лица
(в скобках даются поздние формы)

Падеж	Ед. число		Мн. число	
	1 л.	2 л.	1 л.	2 л.
Аkk., дат.-лок.	<i>-ti</i> (<i>-ttu</i>)	<i>-tta</i> , <i>-tu</i>	<i>-nnaš</i>	<i>-šmaš</i>

Обращает на себя внимание регулярное кодирование датива-локатива и аккузатива одной формой, представленное только в парадигме личных местоимений 1-го и 2-го лица, как полноударных, так и энклитических.

Во 2-м лице единственного числа варианты *-tta*, *-tu* находятся в дополнительном распределении: *-tu* употребляется перед энклитиками *-z(a)* 'себя, себе' и *-ššan* с локативным значением.

Формы множественного числа (*-nnaš*, *-šmaš*) могут использоваться в рефлексивном значении 'себе, себя', конкурируя с основным рефлексивным местоимением — неизменяемым *-z(z)a/-z*.

Дефектная парадигма энклитического личного местоимения 3-го лица
(в скобках даются поздние формы)

Падеж		Ед. число	Мн. число
Ном.	Общ. р.	<i>-aš</i>	<i>-e</i> (<i>-at</i>)
Аkk.	Общ. р.	<i>-an</i>	<i>-uš</i> (<i>-aš</i>)
Ном.-акк.	Ср. р.	<i>-at</i>	<i>-e</i> (<i>-at</i>)
Дат.-лок.		<i>-šše</i> (<i>-šši</i>)	<i>-šmaš</i>

Номинативные формы этого местоимения 3-го лица имеют синтаксическую особенность. Во-первых, номинативная клитика не употребляется с переходным глаголом (независимо от того, выражен в предложении прямой объект или нет), т. е. соответствующие предложения не имеют выраженного субъекта. Во-вторых, номинативная клитика употребляется с большей частью непереходных глаголов, но имеется группа непереходных глаголов, употребляющихся без номинативной клитики (т. е. с невыраженным субъектом). Первую группу глаголов (с номинативной клитикой) часто характеризуют как «*unaccusative*»: это стативные глаголы («сидеть»), глаголы движения («идти»), изменения состояния («умереть») и т. д. Вторую группу глаголов (без

номинативной клитики), соответственно, описывают как «unergative» (например, «работать»). Противопоставление двух групп имеет еще одну формальную примету: глаголы, сочетающиеся указанными клитиками («unaccusative»), образуют аналитический перфект (2.3.5.) со вспомогательным глаголом *eš-* 'быть'; вторая группа («unergative») — со вспомогательным глаголом *har(k)-* 'держать'.

В древнегеттском глаголы движения, например, *pai-* 'идти', могут употребляться как с номинативной клитикой, так и с невыраженным субъектом (некоторые глаголы, например, *hiwai-* 'бежать' последовательно не имеют в предложении номинативной клитики); в более позднем языке глаголы движения переходят в тип предикатов с клитикой. Последний факт заставляет снова вернуться к дискуссии об элементах активности в грамматическом строе Х.я. (о расщепленной эргативности или активности см. 2.3.4.).

П р и т я ж а т е л ь н ы е м е с т о и м е н и я (основные формы)

Падеж	Род	'мой'	'твой'	'его'	'наш'	'ваш', 'их'
		Ед. число обладаемого				
Ном.	общ. р.	<i>-miš</i>	<i>-ttiš</i>	<i>-ššiš</i>	<i>-šummiš</i>	<i>-šmiš</i>
Аkk.	общ. р.	<i>-man</i>	<i>-ttan</i>	<i>-ššan</i>	<i>-šumman</i>	<i>-šman</i>
Ном.-акк.	ср. р.	<i>-met</i>	<i>-ttet</i>	<i>-ššet</i>	<i>-šummet</i>	<i>-šmet</i>
Ген.		<i>-maš</i>	<i>-ttaš</i>	<i>-ššaš</i>	<i>-šummaš</i>	?
Дат.-лок.		<i>-mi</i>	<i>-tti</i>	<i>-šši</i>	<i>-šummi</i>	<i>-šmi</i>
Алл.		<i>-ma</i>	<i>-tta</i>	<i>-šša</i>	?	?
Абл., инстр.		<i>-mit</i>	<i>-ttit</i>	<i>-ššet</i>	?	<i>-šmit</i>
Вок.	общ. р.	<i>-mi</i>	?	?	?	?
		Мн. число обладаемого				
Ном.	общ. р.	<i>-miš</i>	<i>-tteš</i>	<i>-ššeš</i>	<i>-šummeš</i>	<i>-šmeš</i>
Аkk.	общ. р.	<i>-muš</i>	<i>-ttuš</i>	<i>-ššuš</i>	<i>-šumtuš</i>	<i>-šmuš</i>
Ном.-акк.	ср. р.	<i>-met</i>	?	<i>-ššet</i>	<i>-šummet</i>	<i>-šmet</i>
Ген.		<i>-man</i>	?	?	?	?
Дат.-лок., алл.		?	<i>-ttaš</i>	<i>-ššaš</i>	?	?
Абл., инстр.				= Ед. Ч.		

У к а з а т е л ь н о - а н а ф о р и ч е с к и е м е с т о и м е н и я

Падеж	Род	<i>ka-</i> 'этот'	<i>aba-</i> 'тот'	<i>aši</i> 'тот (дальний)' ²
		Ед. число		
Ном.	общ. р.	<i>kāš</i>	<i>abāš</i>	<i>aši</i>
Аkk.	общ. р.	<i>kūn (kān)¹</i>	<i>abūn</i>	<i>uni</i>
Ном.-акк.	ср. р.	<i>kī (kē)</i>	<i>abāt</i>	<i>ini</i>
Ген.		<i>kēl</i>	<i>abēl</i>	?
Дат.-лок.		<i>kēdani</i>	<i>abēdani (abedi)</i>	<i>edi, edani</i>
Алл.		?	?	?
Абл.		<i>kēz(za)</i>	<i>abēz(za)</i>	<i>ediz(z)a</i>
Инстр.		<i>kēdanta</i>	<i>abedanta</i>	?

Падеж	Род	<i>ka-</i> 'этот'	<i>aba-</i> 'тот'	<i>aši</i> 'тот (дальний)' ²
		Мн. число		
Ном.	общ. р.	<i>kē</i> (<i>kūš</i> , <i>keuš</i>)	<i>abē</i> (<i>abūš</i>)	<i>e</i>
Аkk.	общ. р.	<i>kūš</i> (<i>kē</i>)	<i>abūš</i> (<i>abē</i>)	?
Ном.-акк.	ср. р.	<i>kē</i> (<i>kī</i>)	<i>abē</i>	<i>ini</i>
Ген.		<i>kinzan</i> (<i>kēdaš</i>)	<i>abenzan</i> (<i>abēdaš</i>)	
Дат.-лок.		<i>kēdaš</i>	<i>abēdaš</i>	
Абл.		= Ед. Ч.		?
Инстр.				

П р и м е ч а н и я: 1. В скобках даются поздние формы, большинство которых возникло по аналогии. 2. Для *aši* приведены только основные древние формы.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

В данной статье авторами принятые те же определения для понятий «слово», «словоформа», «фонетическое слово», что и А.А. Зализняком («Русское именное словоизменение», 1967 г.) по отношению к русскому языку. Связано это с чрезвычайно высокой степенью типологического сходства между Х.я. и современным русским. Под фонетическим словом мы понимаем последовательность клинописных знаков на табличке от пробела до пробела.

2.5.1. Типовые именные и глагольные словоформы имеют одинаковое строение: корневая морфема + факультативно словообразующий суффикс (или суффиксы) + словоизменительный суффикс (может быть нулевым).

Префиксация синхронно отсутствует, см. 2.5.2.

В системе глагольного словообразования присутствует инфикс *-nin-* (непродуктивная модель, см. 2.5.2.).

Иногда встречается редупликация (полная или частичная; см. 2.5.2.) и словосложение (см. 2.5.2.).

2.5.2. Система и м е н н о й словообразовательной с у ф ф и к с а ц и и в Х.я. весьма развита. Наиболее частотные и продуктивные суффиксы:

-ant- — образует прилагательные и существительные, в синхронном Х.я. десемантизирован (*irman-ant-* 'больной' < *irman* 'болезнь'; *igunant-* 'холодный' < *iguna-* 'холодный'; *huiħħ-ant-* 'дед' < *huiħħa-* 'дед'; отглагольные существительные на *-ant-*, вроде *miy-ant-* 'растущий, выросший' < *mai-* 'увеличиваться, процветать', принято включать в парадигму глагола как причастие, см. 2.3.5., 2.3.7.);

-adar, *-eħħar* (ср. р.) — образуют абстрактные имена, имена действия (*paliħ-adar* 'ширина' < от *paliħi-* 'широкий'; *malt-eħħar* 'заклинание' < *malt-* 'заклинать', *aš-eħħar* 'заседание' < *eħ-* 'сидеть'; отглагольные существительные на *-adar*, вроде *miy-adar* 'увеличение, изобилие' < *mai-* 'увеличиваться, процветать', принято включать в парадигму глагола как герундий, см. 2.3.5., 2.3.7.);

-ala, *-want-* — образуют прилагательные от существительных (*kenzuw-ala-* 'милосердный' < *kenzu* 'милосердие'; *kišt-uwant-* 'голодный' < *kašt-* 'голод');

-adalla-, реже *-attalla-* (общ. р.) — образует имена деятеля (*išħama-dalla-* 'певец' < *išħamaye-* 'петь');

-ai (ср. р.) — образует абстрактные имена, имена действия, обычно от глаголов (*hurt-ai* 'проклятие' < *hu(wa)rt-* 'проклинать').

Наречия часто являются застывшими падежно-числовыми формами прилагательных, причастий или существительных, см. 2.3.7. Чисто наречным суффиксом является *-ili*, употребляющийся в основном для обозначения языков (*luw-ili* 'полувийски').

Система глагольной словообразовательной супфиксации в Х.я. достаточно развита. Наиболее частотные и продуктивные суффиксы (индексом указана принадлежность глаголов данного суффиксального типа к *-ti* или *-hi* спряжению):

-ške^{-mi}, *-anna^{-bi}*, *-šš(a)^{-bi}* — образуют имперфектив/дуратив/итератив/мультипликатив от глагольных основ, причем *-ške^{-mi}* очень продуктивен, а два других суффикса редки (*memi-ške-* 'говорить' < *temta-* 'сказать', *ħalzi-šš(a)* 'восклицать' < *ħalzaye-* 'воскликнуть');

-nu^{-mi} — каузативы от глаголов (*war-nu-* 'жечь' < *war-* 'гореть') и иногда фактитивы от прилагательных (*terpi-* 'умалить, унижать' < *tebu-* 'маленький, немногочисленный'); о каузативном носовом инфикссе см. ниже;

-aħħ^{-ħilmi} — фактитивы от прилагательных (*ħantezziy-aħħ-* 'делать первым' < *ħantezzi-* 'первый');

-eħħ- и реже *-e-* — фиентивы (реже стативы) от прилагательных (*idalaw-eħħ-* 'стать дурным' < *idalu-* 'плохой', *parku-e-* 'стать ясным' < *parkui-* 'чистый');

-aye^{-mi} (традиционная нотация *-ai^{-mi}*) — деноминатив. Видимо, первоначально сочетался с именными *a*-основами, т. е. морфонологически {-а-уе-}, но в исторический период образует глаголы практически от любой основы (*tarm-aye-* 'прибивать' < *tarma-* 'гвоздь', *negumant-aye-* 'раздеваться' < от *negumant-* 'голый').

Инфиксальная модель ограничивается редким инфиксом *-nin-*. Он образует каузативы от глаголов с основой на заднеязычный, вставляясь перед заднеязычным сегментом: *ħar-nin-k-* 'разрушить' < *ħark-* 'погибать, исчезать'). Видимо, первоначально инфикс *-nin-* находился в дополнительном распределении с каузативным суффиксом *-ni-* (*-nin-* — у основ на заднеязычный, *-ni-* — иное).

Несколько глагольных основ движения исторически имеют префиксы с пространственным значением: *re-* 'от говорящего', *u(w)-* 'к говорящему', которые синхронно с трудом вычленимы. Ср. *pai-* '(у)ходит' — *uwa-* 'приходить' от глагола *i(ya)-* 'идти', *peda-* 'уносить' — *uda-* 'приносить' от *ta-* 'брать'.

Словосложение представлено редко, например, *appa-ħiwatt-* 'будущее' < наречие *appa* 'затем' + *ħiwatt-* 'день', *zaħkar-aiš* 'анус' < *ħ/zakkar* 'эксременты' + *aiš* 'рот'.

Редупликация непродуктивна, однако засвидетельствована как в имени, так и в глаголе. Семантические функции этой модели однозначно не устанавливаются (в глаголе, видимо, может выражать имперфектив). Редупликация бывает полная (*kuwaħ-kuwaħ-* 'дробить' < *kuwaħ-* 'дробить') и частичная (*ki-kkis-* 'становиться, делаться' < *kiš-* 'становиться, делаться').

Конверсия регулярно используется для образования существительных от прилагательных и редко прилагательных от существительных: *panku-* 'собрание' < *panku-* 'весь, каждый', *aħxi* 'добро, имущество' < *aħxi-* 'добрый' (в некоторых таких случаях существительные сохраняют тип склонения прилагательных).

2.5.3. Х.я. номинативно-аккузативный. Часто его трактуют как язык с расцепленной эргативностью. Приметами активного строя является выбор флексий номинатива и аккузатива общего рода (обычно в сочетании с дополнительным «анимирующим» суффиксом).

фиксом *-ant*) у существительных среднего рода в контекстах, предполагающих активную роль субъекта. Подробнее см. 2.3.4.

Линейный порядок членов предложения жёсткий в отношении конечного положения глагола — SOV (об исключениях см. ниже). Подлежащее в норме предшествует дополнениям. Для вопросительных слов отмечаются две позиции — в начале предложения и перед предикатом. Большинство энклитик в предложении присоединяются к первому ударному слову, позицию которого занимают либо полнозначные слова, либо служебные, используемые для обозначения отношений между предложениями (ограниченный класс слов — наиболее частотен союз *ni*). Многие слова имеют свободную позицию в предложении, например, *natma* 'затем'.

Пример простого предложения с непереходным глаголом:

- (25) *ma-a-an* ^{URU}Ha-at-tu-ši šal-li-iš wa-aš-ta-a-iš ki-ša-ri
mān ^{URU}*Hattuš-i* *šalli-š* *waštāi-š*
 если город.Хаттуса-Д/Л.ЕД большой-НОМ.ЕД.ОБЩ несчастье-НОМ.ЕД.ОБЩ
kiš-ari
 случаться-НАСТ.ЗЕД.МЕД
 'Если в Хаттусе великое несчастье случится'.

Пример простого предложения с переходным глаголом:

- (26) *nu=za* ^{MUŠ}*il-lu-ya-an-ka-aš* ^{dIM}-an *tar-aḥ-ta*
 и=РЕФЛ змей-НОМ.ЕД.ОБЩ ^{dIM}-ан бог.грозы-АКК.ЕД.ОБЩ побеждать-ПРОШ.ЗЕД
 'И Змей одолел (букв. 'победил себе') бога Грозы'.

В атрибутивной именной группе определение (= прилагательное) обычно предшествует существительному, но прилагательные с суффиксом *-ant* (т. е. в частности все причастия) обычно следуют за существительным:

- (27) *mi-i-uš* *ha-lu-ga-aš*
mīu-š *haluga-š*
 нежное-НОМ.ЕД.ОБЩ послание-НОМ.ЕД.ОБЩ
 'нежное послание'

В посессивной именной группе посессор предшествует обладаемому:

- (28) *at-ta-aš* *ut-tar*
att-aš *uttar-∅*
 отец-ГЕН.ЕД слово-НОМ/АКК.ЕД/МН.СР
 'слово отца'

Иногда посессивная связь может быть усиlena энклитическим посессивным местоимением (это характерно для древнего языка). Часто такое двойное оформление посессивности трактуют как выражение неотторжимой принадлежности, что, видимо, не точно. Пример:

- (29) *ad-da-aš* *e-eš-ḥar-še-it*
att-aš *ēšḥar-∅=set*
 отец-ГЕН.ЕД кровь-НОМ/АКК.ЕД/МН.СР=ПРИТЖ.З.НОМ/АКК.ЕД/МН.СР
 'кровь отца'

В среднехеттском и особенно в новохеттском посессор может стоять не в генитиве, а согласовываться по падежу с обладаемым (так называемая партитивная аппозиция). Такая конструкция особенно характерна при выражении неотторжимой принадлежности. Пример на аккузатив у посессора:

- (30) ak-kán-da-an ŠUM-an ḥal-za-a-i
 akkant-an ŠUM-an-0 ḥalzā-i
 умерший-АКК.ЕД.ОБЩ имя(ŠUM-an)-НОМ/АКК.ЕД/МН восклицать-НАСТ.ЗЕД
 'Он восклицает имя умершего' (вместо стандартного *akkant-aš ŠUM-an-0 ...)

В глагольной группе косвенные дополнения, обстоятельства, наречия, превербы, отрицания, вспомогательные глаголы стандартно предшествуют главному глаголу.

Глагол-связка *eš-* 'быть' в именных предложениях достаточно последовательно опускается в презенсе индикатива, равно как и в прохихитиве (которые образуются при помощи формы презенса и частицы *lē*), например:

- (31) ^dte-li-pí-nu-uš šar-ku-uš na-ak-ki-iš DINGIR-uš zi-ik
^dtelibinu-š šarku-š nakki-š
 бог.Телибину-НОМ.ЕД.ОБЩ выдающийся-НОМ.ЕД.ОБЩ могучий-НОМ.ЕД.ОБЩ
 DINGIR-u-š zik
 бог(DINGIR-u)-НОМ.ЕД.ОБЩ ты.НОМ.ЕД
 'О Телибину (номинатив в функции вокатива), ты великий и могучий бог!'

- (32) am-me-ta-za-ma-wa-za-kán KUR-e-za ar-ḥa li-e ku-ru-ur
 ammedaza=ma=wa=za=gan KUR-e-za arḥa lē kurur-0
 я.АБЛ=же=мол=РЕФЛ=ЛОК.ЧАСТ страна(KUR-e)-АБЛ прочь не вражда-НОМ/АКК.СР
 'А из моей, мол, страны пусть не будет враждебности!' (= 'боевые действия [против хеттов] с территории моей страны не должны вестись'). (Согласование посессора с обладаемым, см. 2.5.3.)

Клитики представлены в основном энклитиками (единственный вероятный пример на проклитику — союз *ti*, см. 2.3.7.). Энклитики делятся на сентенциальные («вакернагелевские») и несентенциальные.

Сентенциальные энклитики располагаются после первого элемента предложения, обраzuя с ним одно фонетическое слово, т. е. выписываются без пробелов. Именные и глагольные группы при этом разбиваются. Сентенциальные энклитики могут присоединяться как к полноударным словам, так и к фразовым сочинительным союзам *ti*, *ta*, *ši* 'и', а также к частице *tan* — показателю оптатива. Как сказано выше, союз *ti* (а по аналогии можно предположить, что и *ta*, *ši*) в абсолютном употреблении, скорее, является (или являлся в древнехеттском) проклитикой перед следующим полноударным словом, однако при наличии во фразе сентенциальных проклитик союз *ti* получает формальный статус полноударного слова. Оптивативная частица *tan* может функционировать или как сентенциальная энклитика в общей цепочке клитик, или же как полноударное слово, стоящее в начале предложения и присоединяющее к себе другие энклитики.

Порядок внутри начинающей фразу цепочки сентенциальных энклитик фиксирован по слотам:

- слот 0: полноударное слово (формально включая союзы *ti*, *ta*, *ši* и частицу *tan*);
 слот 1: посессивное местоимение, т. е. несентенциальная энклитика, относящаяся к предшествующему полноударному слову;

слот 2: сочинительное *-ya* 'и' (о фонетических особенностях см. 2.1.3.), контрастивные *-a*, *-ta* 'но, же' (в древнехеттском *-a* используется после форм и исходом на согласный, *-ta* — после форм с исходом на гласный, позднее это распределение нарушается);

слот 3: *man* (оптативный показатель, если он выступает как энклитика);

слот 4: *-wa(r)* (показатель прямой речи);

слот 5: *-naš*, *-štaš* (личные местоимения 1-го–3-го лица множественного числа: аккузатив и датив-локатив);

слот 6: *-aš*, *-an*, *-at*, *-e*, *-iš* (личное местоимение 3-го лица единственного числа: номинатив и аккузатив);

слот 7: *-tu*, *-tta/-ttu*, *-šši/-šše* (личное местоимение 1-го–2-го лица единственного числа: аккузатив и датив-локатив; личное местоимение 3-го лица единственного числа: датив-локатив);

слот 8: *-z(z)a/-z* (рефлексивное местоимение);

слот 9: *-k(k)an*, *-š(s)an*, *-ašta*, *-an*, *-aba* (локативные частицы).

Внутри одной цепочки не могут соседствовать энклитики, относящиеся к одному слогу. Видимо, не употребляются в одной цепочке элементы из слотов 5 и 7; также есть другие незначительные ограничения на сочетаемость. Контрастивные *-a*, *-ta* не сочетаются с фразовыми союзами (*nu*, *takku* 'если', *mān* 'если' и т. д.) — если предложение начинается с союза, то *-a*, *-ta* включаются во второе по счету фонетическое слово (т. е. следуют за первым полнозначным словом предложения); также *-a*, *-ta* следуют именно за выделяемым словом при смене топика (в подавляющем большинстве случаев топикализированный член предложения стоит в первой позиции).

Примеры клитических цепочек:

(33) *nu-wa-za-kán* ...

nu=wa=za=gan {nu + war + z(:)a + k(:)an} ...

0=4=8=9

'И, мол, себя (+ локативная частица) ...'

(34) *ka-a-ša-wa-ad-du-uš-ša-an* ...

kāša=wa=ttu=ššan {kaša + war + t:u + s:an} ...

0=4=7=9

'Вот (*kāša*), мол, тебе (+ локативная частица) ...'

(35) *pí-ra-an-ma-at-mu* ...

piran=m=at=mu {piran + ma + at + mu} ...

0=2=6=7

'Передо (*piran*) мной же это ...'

Несентенциальные энклитики присоединяются к полноударному слову, к которому они относятся. Это притяжательные местоимения (2.4.0.), сочинительный союз *-ya* 'и' (когда он связывает однородные члены предложения, а не два предложения между собой), контрастивные частицы *-a/-ta* 'но, же' (когда они показывают смену топика и топикализированное слово не стоит в первой позиции, что, впрочем, фиксируется редко), эмфатическая частица *-bat*, энклитики *-kki/-kka*, образующие неопределенные местоимения (2.3.6.) и некоторые другие.

Базовый порядок слов в предложении с предикатом в конечной позиции (SOV) при определенных коммуникативных условиях модифицируется (в данной статье не рассматриваются дополнительные типы инверсивных конструкций, встречающиеся преимущественно в текстах, для которых можно предполагать иноязычное влияние):

1. В случае определенных видов ремы (контрастивной или неустановленной) происходит вынос именных составляющих в первую позицию в клаузе или же за пределы клаузы. В последнем случае (left dislocation) базовая клауза, содержащая предикат, имеет в своем начале показатели начала предложения: союз и/или сентенциальные энклитики, именная группа располагается слева от союза и/или клитик (в примере вынесена составляющая ^m*Huiduttuwalliš*):

- (36) ^m*hu-i-du-ud-du-wa-al-li-iš na-an* ^{URU}*sal-la-aš-na a-ša-še-ir*
^m*Huiduttuwalliš* *n=an* ^{URU}*Šallašna-Ø* *ašaš-er*
Хуидуттувалли-НОМ.ЕД.ОБЩ и=он.АКК.ЕД.ОБЩ Салласна-Д/Л.ЕД селить-ПРОШ.ЗМН
‘Что касается человека по имени Хуидуттувалли, то его поселили в городе Салласна’.

Вынос составляющей в первую позицию происходит также, если данная составляющая (именная группа, отрицание или предикат) маркирует фокус контраста. При наличии в предложении преверба/наречия вынос в первую позицию затрагивает только преверб. Пример на вынос в первую позицию в клаузе (в начало вынесено наречие *arha*):

- (37) *ar-ha-ma-at ku-e-da-ni me-mi-e-ni pí-eš-ši-ya-at na-at A-NA EN-YA Ú-UL ka-ru-ú ha-at-ra-a-nu-u[n]*
arha=ma=at *kue-dani* *metēn-i* *peššiya-t*
прочь=но=это.АКК.ЕД.СР который-ДАТ.ЕД причина-ДАТ.ЕД бросить-ПРОШ.ЗЕД
n=at *ANA EN=YA* *ÚL* *karū* *hatrā-nu[n]*
и=это.АКК.ЕД.СР господин-Д/Л.ЕД(*ANA*)=мой не ранее писать-ПРОШ.1ЕД
‘Я ранее не писал моему господину о том, по какой причине он (т. е. третье лицо) выбросил ее (т. е. табличку)’.

2. Перемещение подлежащего с первой позиции в позицию перед предикатом (результатирующая структура OSV) служит выражением фокуса контраста на подлежащем (в примере перемещено вправо подлежащее *apāš*):

- (38) *ták-ku SI GU₄ na-aš-ma GIR GU₄ ku-iš-ki du-wa-ar-ni-zí a-pu-u-un-za a-pa-a-aš da-a-i*
takku *SI* *GU₄* *našma* *GIR* *GU₄*
если рог.АКК.ЕД бык.ГЕН.ЕД или нога.АКК.МН бык.ГЕН.ЕД
kui-š=ki *tuwarsi-zí* *abū-n=za*
кто-НОМ.ЕД.ОБЩ=нибудь ломать-НАСТ.ЗЕД он-АКК.ЕД.ОБЩ=себе
abā-š *tā-i*
он-НОМ.ЕД.ОБЩ взять-НАСТ.ЗЕД
‘Если кто-либо сломает рог или ногу быку, он забирает его (т. е. быка) себе’.

3. Для отрицания или именной группы представлена и третья, постглагольная, позиция фокуса контраста. Она встречается очень ограниченно, в случае VS, VO или VNeg (предложение в большинстве случаев двухчастно). Особенности структуры позволяют предположить, что эта фокусная позиция производна непосред-

ственно от предглагольной схемы, описанной в п. 2 (в примере вправо выносится отрицательная частица, выраженная на письме аккадограммой *ÜL*, хеттское чтение *natā*):

- (39) nam-ma-ma-kán KUR ^{URU}ḥa-pa-a-al-la ku-en-ta-ya *Ü-UL* e-ip-ta-ya-at *Ü-UL*
 namma=ma=gan KUR ^{URU}*Haballa-Ø* kuen-ta=ya *ÜL*
 затем=же=ЛОК.ЧАСТ страна.АКК.ЕД город.Хабалла-ГЕН.ЕД убивать-прош.2ЕД=и не
 ēp-ta=y=at *ÜL*
 хватать-прош.2ЕД=и=он.НОМ/АКК.ЕД.СР не
 'А затем ты и не разорил страну города Хабалла, и не захватил ее!'

4. Еще одним случаем неканонического порядка слов являются предложения с тяжелыми именными составляющими, так называемые «списки», которые организованы следующим образом: SO_iV O_iO_iO_i, где O_i внутри базовой клаузы выражен полноударным местоимением или генерическим существительным, а вынесенные вправо кореферентные ему O_i — перечисление конкретных объектов:

- (40) nu ^{LÚ.MEŠ}MUHALDIM ḥa-an-te-iz-zi ti-an-zi ^{UZU}ku-uz-za-ni-ya-an-da ^{UZU}e-ku-na-an-ta
 nu ^{LÚ.MEŠ}MUHALDIM *ḥantezzi-Ø* *ti-anzi*
 и повар.НОМ.МН первый-НОМ/АКК.ЕД/МН.СР класть-наст.3МН
 UZU *kuzzaniyat-a* ^{UZU}*egunant-a*
 тип.мясного.блюда-НОМ/АКК.МН.СР холодное.мясо-НОМ/АКК.МН.СР
 'И повара ставят закуски (букв. 'первое [блюдо]'): *k*.-мясо (и) *e*.-мясо'.

2.5.4. В сложном предложении засвидетельствованы как союзный, так и бессоюзный типы связи. Представлены как сочинительный, так и подчинительный типы построения сложного предложения. Подчинённые придаточные не обнаруживают никаких особенностей структуры по сравнению с главным. Пример на сочинительный тип с энклитическим союзом *-ya* (= *-a*, удваивающее предшествующий согласный) 'и' (частотный союз *ti* в начале первой фразы выступает как показатель начала предложения):

- (41) ne nam-ma ḥa-at-te-eš-na-aš kat-ta-an-da nu-u-ma-a-an pa-a-an-zi ^mḥu-u-pa-ši-ya-aš-ša
 ú-it nu ^{MUŠ}il-lu-ya-an-ka-an iš-ḥi-ma-an-ta ka-li-e-li-e-it
 n=e {nu + e} namma *hattešn-aš* kattanta *nūtān*
 и=он.НОМ/АКК.МН.ОБЩ/СР затем нора-ГЕН/ДЛ.МН вниз ОТР.ОПТ
 pā-nzi ^m*Hūbašiya-šš=a* *ui-t* nu ^{MUŠ}illuyanka-n
 идти-наст.3.МН Хубасия-НОМ.ЕД=и прийти-ПРОШ.3.ЕД и змей-АКК.ЕД
 išḥiman-ta *kalēlē-t*
 веревка-ИНСТР обмотать-ПРОШ.3ЕД
 'После этого они (= запяняевший Змей со змеенышами) не захотели спускаться (к себе) в норы, и (человек по имени) Хубасия пришел и Змей веревкой опутал'.

При передаче прямой речи посредством дополнительного придаточного используется энклитическая частица *-wa(r)*, вводящая прямую речь. Пример см. в 2.3.7.

Относительные придаточные образуются по трем основным схемам:

1. Придаточное предшествует главному, в главном представлено кореферентное местоимение (энклитическое или ударное, реже продублирована именная группа):

- (42) nu-mu MUŠEN^{III.A} ku-e up-pí-eš-ta na-at ar-ḥa ḥar-ra-an-te-eš e-šir
 nu=mu MUŠEN^{III.A} ku-e uppe-šta
 и=я.АКК/Д.Л.ЕД птица.АКК.МН который-НOM/АКК.МН.ОБЩ/СР слать-ПРОШ.2/3.ЕД
 n=at ar-ḥa ḥarr-ant-eš e-šir
 и=он.Ном/АКК.ЕД/МН.ОБЩ/СР прочь портить-ПРИЧ-НОМ.МН.ОБЩ быть-ПРОШ.3МН
 'А которых птиц (= тушки) ты мне послал, то они напрочь испорчены были'.

В этом типе выделяются определенные и неопределенные относительные придаточные. Первые относятся к референтам, уже установленным в предыдущем контексте. Вторые — к неустановленным референтам. В неопределенных придаточных относительное местоимение занимает первую или начальную позицию, в определенных, как правило, вторую (т. е. ему должно предшествовать полнозначное ударное слово).

2. Придаточное следует за главным (этот тип более редкий):

- (43) nu 9 DUMU^{MES}-uš ú-wa-da-an-zi MUNUS-ni-š-ša-an ku-i-e-eš na-a-ú-i pa-a-an-zi
 nu 9 DUMU^{MES}-uš uwad-anzi
 и 9 ребенок-АКК.МН.ОБЩ приводить-НАСТ.3МН
 MUNUS-n-i=ššan kui-eš nāui
 женщина(MUNUS-n)-Д/Л.ЕД=ЛОК.ЧАСТ который-НОМ.МН.ОБЩ еще.не
 pā-nzi
 идти-НАСТ.3МН
 'И девятерых детей (= мальчиков), которые к женщине еще не входили, приводят'.

3. В древнехеттском выделяется третий тип: «вложенные» относительные придаточные, которые характеризуются систематическим отсутствием союза между относительной и главной клаузами, а также отсутствием кореферентного местоимения в главной клаузе (в этом формальные отличия типа 3 от типа 1):

- (44) [^{LÚ}KA]§_{4.E} tar-ah-zi ku-iš 1 MA.NA KÙ.BABBAR Ù 2 ^{NINDA}wa-ga-da-aš pí-an-zi
 [^{LÚ}KA]§_{4.E} tar^aḥ-zi kui-š
 бегун.НОМ.ЕД побеждать-НАСТ.3МН который-НОМ.ЕД.ОБЩ
 1 MA.NA KÙ.BABBAR Ù 2 ^{NINDA}wagadaš-0 pi-anzi
 1 мина.серебра.АКК.ЕД и 2 тип.выпечки-АКК.ЕД/МН давать-НАСТ.3МН
 '(Тому) бегуну, который побеждает, дают одну мину серебра и два и.-хлеба'.

2.6.0. Можно предполагать, что значительное число лексем Х.я. имеют иноязычный источник, однако продемонстрировать факт заимствования удается только в относительно небольшом количестве случаев. В частности имеется ряд лексем бродячего характера, не этимологизируемых на материале известных языков региона, например, хетт. *zapzagi/zapzigi* 'стекло' — угар. *spsg/sbsg/śpśg*; хетт. *kurzip(p)-ant-* 'одетый в на-плечи?' (часть доспеха)', аккад. *qurpis(s)u/qursip(p)u* 'шлем/наплечи', др.-инд. *kūrpāsa-* 'кираса', др.-греч. *κυρβασία* 'персидская шапка'; хетт. *kuwanna-* 'медь; декоративный материал на основе карбоната меди или азурита' — др.-греч. *κύανος* 'темно-синяя эмаль'; хетт. *wiyana-* 'вино' и др.

Лексические заимствования дописьменного и древнехеттского периодов происходят из хаттского языка, это термины, связанные с отправлением культа и институтом царской власти: хетт. *ḥalmaššuit-* 'tron' < хатт. *ḥanfašuit* 'tron'.

Прямых заимствований из семитских языков обнаруживается совсем мало, а те из них, которые фиксируются, могут происходить из северо-западных семитских диа-

лектов. Например, хетт. *kabani* 'ствол кустарника' < угар., др.-евр. *grp* 'лоза'. Датировать эти заимствования затруднительно. Для основной части аккадских лексем в Х.я. следует предполагать хурритское посредство.

Хурритизмы средне- и особенно новохеттского периодов весьма многочисленны, но относятся в основном к религиозной сфере (хетт. *aḥrušhi* 'сосуд для сжигания благовоний' < хурр. *aḥrušhi/aḥrošhi*). Неясно, могли ли одиночные хурритизмы попадать в Х.я. уже в древнехеттскую или дописьменную эпоху, ср., *tuppi* 'табличка (для письма)' < хурр. *tuppi* < аккад. *ṭuppi*, хотя хурритское посредство для этого широко распространенного культурного слова не очевидно. Посредством хурритского же в Х.я. проникала аккадская и даже шумерская лексика, ср., хетт. *hazzizzi/u* '(внутреннее) ухо; разум, понимание' < хурр. *hazzizzi* < аккад. *has̫su* 'ухо; разум'; хетт. *kazzi* 'чаша, кувшин определенного типа' < хурр. *kazzi* < аккад. *kāsu*, угар., арам. *ks* <? шум. GÚ-ZI; хетт. *hegur* 'горное святилище', в конечном итоге из шум. É-KUR, букв. 'горный дом' и др. Также из хеттских текстов известно несколько коневодческих терминов индоарийского происхождения, принесенных хурритами, например, *aika-wartanna* 'один круг'.

На новохеттский периоды приходятся многочисленные заимствования из лувийского языка, однако ситуация с ними не столь однозначна. Довольно распространенным орфографическим приемом у новохеттских писцов был так называемый глоссовый клин — особый знак, который ставился перед лувийской формой, помещенной в хеттский контекст. Неясно, можно ли говорить в таких случаях о заимствованиях как таковых или же считать, что лувоязычные писцы при составлении таблички просто подставляли на место неизвестных им хеттских терминов и малопонятных грамматических форм слова из своего языка, факультативно обозначая такие замены глоссовым клином. Важно, однако, что отдельные лувизмы в качестве полноценных заимствований проникали в Х.я. еще в дописьменный и древнехеттский периоды: хетт. *ubadi* 'поместье, надел' < лув. *ubadi(t)*.

В позднейшее время в текстах не так редко встречаются и неадаптированные лувизмы и хурритизмы, т. е. формы, оформленные непосредственно лувийскими или хурритскими грамматическими показателями.

В хеттском словарнике присутствует группа заимствований из языков северокавказской семьи (нахско-дагестанских и ахазо-адыгских), но не ясно, воспринятых напрямую или же через хаттское и хурритское посредство: хетт. *lulah(h)i-* 'горцы-варвары', лув. *lulahi(ya)-* 'относящийся к горцам' — хурр. *lulahhi* '(какой-то варварский народ)', урарт. ^{KUR}*lulue* 'вражеская страна' < пранах. **lōlu-χō* 'сосед; по соседству'.

2.7.0. Диалектные особенности Х.я. не могут быть определены, см. 1.2.1.

ЛИТЕРАТУРА

Постоянно обновляемая библиографическая база хеттологических публикаций доступна на сайте проекта «Hethitologie Portal Mainz».

<http://www.hethport.uni-wuerzburg.de/HPM/hethportlinks.html>

История, социолингвистика, общие материалы
Bryce T. Life and Society in the Hittite World. Oxford, 2002.

Bryce T. The Kingdom of the Hittites. Oxford, 2005.
Collins B.J. The Hittites and Their World. Atlanta, 2007.

Fossati D. Hittite Epigraphic Findings in the Ancient Near East. Электронный ресурс: <http://www.hittiteepigraphs.com/index.html>.

Goedegebuure P. Central Anatolian languages and language communities in the Colony period: A Luwian-Hattian symbiosis and the independent Hittites // Anatolia and the Jazira During the Old Assyrian Period / J.G. Dercksen (ed.). Leiden, 2008 (Old Assyrian Archives. Studies, vol. 3; PIHANS, vol. 111).

Hethitologie Portal Mainz. Электронный ресурс: <http://www.hethport.uni-wuerzburg.de/HPM/hethportlinks.html>

Košak S. Konkordanz der hethitischen Texte. Электронное ресурс: <http://www.hethport.uni-wuerzburg.de/hetkonk/>

Laroche E. Catalogue des textes hittites. 2ème ed. Paris, 1971.

Steadman Sh.R., McMahon G. (eds.). The Oxford Handbook of Ancient Anatolia. Oxford, 2011.

Yakubovich I. Sociolinguistics of the Luvian Language. Leiden; Boston, 2010.

Основные грамматические описания
Иванов Вяч. Вс. Хеттский язык. М., 1963.
2-е доп. издание. М., 2001.

Фридрих И. Краткая грамматика хеттского языка / Пер. с нем. и вступ. ст. А.В. Десницкой. М., 1952.

Friedrich J. Hethitisches Elementarbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1960, T. 1: Kurzgefaßte Grammatik; 1967, T. 2: Lesestücke in Transkription.

Hoffner H.A., Melchert H.C. A Grammar of the Hittite Language. P. 1: Reference Grammar; P. 2: Tutorial. Winona Lake; Indiana, 2008.

Kronasser H. Etymologie der hethitischen Sprache / Zusammengestellt von E. Neu. Wiesbaden, 1962–1966, Bd. 1: Zur Schreibung und Lautung des Hethitischen. Wortbildung des Hethitischen; 1987, Bd. 2: Ausführliche Indices zu Band I.

Luraghi S. Hittite. Munich, 1997 (Languages of the World/Materials 114).

Oettinger N. Die Stammbildung des hethitischen Verbums Dresden, 2003 (Dresdner Beiträge zur Hethitologie, Bd. 7).

Rieken E. Hethitisch // Sprachen des Alten Orients. 3. Aufl. überarb. / M. Streck (ed.). Darmstadt, 2007.

Rieken E. Einführung in die hethitische Sprache und Schrift / Unter Mitw. von U. Gradmann und J. Lorenz. Münster, 2011.

van den Hout Th. The Elements of Hittite. Cambridge, 2011.

Watkins C. Hittite // The Ancient Languages of Asia Minor / R.D. Woodard (ed.). Cambridge, 2008.

Словари

Friedrich J. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952–1954, Bd. 1–3; Erg.-H. 1957, 1961, 1966.

Friedrich J., Kammenhuber A. Hethitisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1975–, [продолжающееся издание].

Hoffner H.A. An English-Hittite Glossary. Paris, 1967.

Jin Jie. A Complete Retrograde Glossary of the Hittite Language. Istanbul, 1994 (Uitgaven van het Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituutte Istanbul, 71).

Kloekhorst A. Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon. Leiden; Boston, 2008.

Puhvel J. Hittite Etymological Dictionary. Berlin; New York, 1984–, vol. 1 (a) — vol. 9 (p) — [продолжающееся издание].

The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago, 1989, vol. 1–n; 1997, vol. p; 2002, vol. ᬁ [продолжающееся издание]. Электронный ресурс: <http://ochre.lib.uchicago.edu/eCHD/>

Tischler J. Hethitisch-deutsches Wörterverzeichnis. Mit einem semasiologischen Index. Innsbruck, 1982.

Tischler J. Hethitisches Etymologisches Glossar. Innsbruck, 1983–, T. 1 (a–k) — T. 4 (u) — [продолжающееся издание].

Tischler J. Hethitisches Handwörterbuch. Mit dem Wortschatz der Nachbarsprachen. 2. Aufl. Innsbruck, 2008 [1-е изд.: Innsbruck, 2001].

Ünal A. Multilinguale Handwörterbuch des Hethitischen: A Concise Multilingual Hittite Dictionary. Hamburg, 2007.

Графика, палеография

Borger R. Mesopotamisches Zeichenlexikon. 2 Aufl. Münster, 2010.

Neu E., Rüster Ch. Hethitische Keilschrift-Paläographie II. Wiesbaden, 1975.

Rüster Ch. Hethitische Keilschrift-Paläographie. Wiesbaden, 1972.

Rüster Ch., Neu E. Hethitisches Zeichenlexikon. Inventar und Interpretation der Keilschriftzeichen aus den Boğazköy-Texten. Wiesbaden, 1989.

Rüster Ch., Neu E. Deutsch-Sumerographische Wörterverzeichnis. Wiesbaden, 1991.

Rüster Ch., Neu E. Konträr-Index der hethitischen Keilschriftzeichen. Wiesbaden, 1993.

van den Hout Th. The rise and fall of cuneiform script in Hittite Anatolia // Visible Language: Inventions of Writing in the Ancient Middle East and Beyond / Ch. Woods (ed.). Chicago, 2010.

van den Hout Th. The ductus of the Alalah VII texts and the origin of Hittite cuneiform // Palaeography and Scribal Practices in Syro-Palestine and Anatolia in the Late Bronze Age: Papers Read at a Symposium in Leiden, 17–18 December 2009 / E. Devecchi (ed.). Leiden, 2012 (PIHANS, vol. 119).

Weeden M. Hittite Logograms and Hittite Scholarship. Wiesbaden, 2011 (Studien zu den Boğazköy-Texten, H. 54).

Wilhelm G. Remarks on the Hittite cuneiform script // Ipamati kistamati pari tumatimis: Lu-

wian and Hittite Studies Presented to J. David Hawkins on the Occasion of His 70th Birthday / I. Singer (ed.). Tel Aviv, 2010.

Основные серии клинописных изданий

İstanbul arkeoloji müzelerinde bulunan Boğazköy tabletleri — Boğazköy-Tafeln im Archäologischen Museum zu Istanbul. İstanbul; Ankara, 1944–1988, T. 1–4 [общепринятое сокращение — IBot].

Keilschrifttexte aus Boghazköy. Berlin, 1923–, H. 1–60- [продолжающееся издание; общепринятое сокращение — KBo].

Keilschrifturkunden aus Boghazköy. Berlin, 1921–1990, H. 1–60 [общепринятое сокращение — KUB].

Историческая грамматика

Kimball S. Hittite Historical Phonology. Innsbruck, 1999.

Kloekhorst A. Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon. Brill, 2008.

Melchert H.C. Studies in Hittite Historical Phonology. Göttingen, 1984.

Melchert H.C. Anatolian Historical Phonology. Amsterdam, 1994.

A. Рицца

ЛИДИЙСКИЙ ЯЗЫК¹

1.0. Лидийский язык (Л.я.), других вариантов названия по-русски нет. Англ. *Lydian*, нем. *Lydisch*, фр. *lydien*, итал. *lidio*. Это название происходит от греч. Λυδία ‘Лидия’, ср. аккад. *māt Luddu*. Самоназванием лидийцев было *Śfard* (др.-перс. *Sparda*, аккад. *Sapardu*), хотя это же название использовалось для города Сарды. Известно также прилагательное *śfardēn(i)-*.

2.0. Л.я. засвидетельствован в надписях с VIII по II вв. до н. э., обнаруженных в Лидии, в центре и на западе Анатолии (на территории, в основном, совпадающей с современными турецкими провинциями Маниса и Измир). Основными местами археологических находок являются столица Лидии Сарды (греч. Σάρδεις, лув. *śfar(d)-*), Кула, Менне, Мерсинли, Биркели, Эфес (возле совр. Сельчуга, греч. Ἔφεσος, лув. *ibši-*), Тирра (совр. Тири, *Apatara*, лид. *Teira*, греч. Τύρρα, Θυράια), Магнесия (совр. Маниса, греч. Μαγνησία του Σιτύλου), Смирна (Измир), Лариса (совр. Бурунджук).

Лидия являлась одной из ведущих политических сил первой половины I тыс. до н. э., достигнув пика своего расцвета во время правления Гига (682–644 гг. до н. э.) и Креза

¹ Перевод с англ. А.В. Сидельцева.

ЯЗЫКИ МИРА
Реликтовые индоевропейские языки
Передней и Центральной Азии

Издательство «Academia»
совместно с редакцией журнала
«Вестник Российской академии наук»
119991, Москва, Мароновский пер., 26
Тел. (499)238-21-23, (499)238-21-44, (499)238-25-10
Эл. почта: academia@naukaran.ru, yurin.og@yandex.ru

Директор издательства

О.Г. Юрин

Редакторы

А.С. Касьян, Ю.Б. Коряков, Ю.В. Мазурова, О.И. Романова, Н.В. Рогова

Художник

А.В. Кубанов

Корректоры

М.П. Анохина, Н.Л. Артамонова, С.В. Веснина

Верстка

С.С. Белоусов

Оригинал-макет подготовлен

группой «Языки мира»

Института языкоznания

Российской академии наук

Подписано к печати 30.11.2013 г.

Формат 70 × 100 $\frac{1}{16}$. Гарнитура Таймс.

Тираж 600 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

142200, г. Можайск, ул. Мира, 93